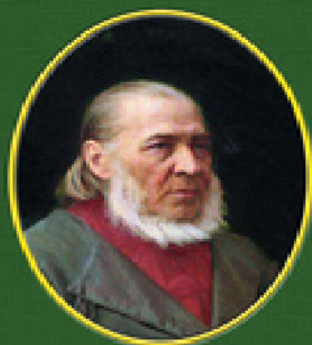

С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

«Род Загоскиных принадлежит к одной из старинных дворянских фамилий. В родословной книге князей и дворян российских, составленной по *бархатной книге* и изданной „по самовернейшим спискам“ в 1787 году, сказано: „Загоскины выехали из Золотой Орды. Выехавший назывался Захар Загоско, а от него и родовое название принято“...»

- [Сергей Тимофеевич Аксаков](#)

- [notes](#)

[1](#)[2](#)[3](#)[4](#)[5](#)[6](#)[7](#)[8](#)[9](#)[10](#)[11](#)[12](#)[13](#)[14](#)[15](#)

Сергей Тимофеевич Аксаков

Биография Михаила Николаевича Загоскина

[1]

Род Загоскиных принадлежит к одной из старинных дворянских фамилий. В родословной книге князей и дворян российских, составленной по *бархатной книге* и изданной «по самовернейшим спискам» в 1787 году, сказано: «Загоскины выехали из Золотой Орды. Выехавший назывался Захар Загоско, а от него и родовое название принято». Михаил Николаевич Загоскин родился 14 июля 1789 г., Пензенской губернии и уезда, в селе Рамзае, принадлежавшем тогда его отцу. Загоскин воспитывался в деревне до четырнадцатилетнего возраста; в детстве его уже замечена была в нем необыкновенная, не часто встречаемая в детях, страстная охота к чтению, вследствие которой скоро оказалась склонность и способность сочинять самому. Одиннадцати лет он написал повесть под названием «Пустынник», которая начиналась небольшим предисловием, где сочинитель просил читателей и читательниц «быть снисходительными к его сочинению, приняв в уважение, что автор повести одиннадцатилетний юноша». Последние строки уже показывают, что этот юноша много читал и заимствовал авторский прием. Повесть «Пустынник» была так недурно написана для мальчика (хотя он и называл себя юношей), в ней столько было оригинальных мыслей и приемов (так казалось окружающим), что многие, которым отец Загоскина давал читать ее, не хотели верить, чтобы это было написано *Михеёй*, как называли его в семействе, в кругу родных и близких знакомых. Ободренный блистательным успехом, одиннадцатилетний автор продолжал писать; но все его сочинения, до первой печатной комедии, пропали, и впоследствии Загоскин очень жалел о том, единственно для себя, любопытствуя знать, какое было направление его детского авторства. Уцелела только одна трагедия в трех действиях «Леон и Зыдея», написанная какими-то «силлабическими» стихами с рифмами. Произведение совершенно детское, вероятно предупредившее повесть «Пустынник». Охота к чтению и жажда к знаниям были в нем так сильны, что он, живя в деревне, мало разделял обыкновенные детские забавы своих сверстников, хотя от природы был резв и весел; ребяческой проказливости он не имел никогда, всегда был

богомолен и любил ходить в церковь. Почти все свое время посвящал он книгам, так что окружавшие боялись, чтобы от беспрестанного чтения он не потерял совсем зрение, которое и тогда было слабо, почему и были вынуждены отнимать у него книги; но любознательный мальчик находил разные средства к удовлетворению своей склонности. Между прочим он употреблял следующую хитрость: когда отец его входил в свой постоянно запертый кабинет, в котором помещалась библиотека, и оставлял за собою дверь незапертою, что случалось довольно часто, то Миша пользовался такими благоприятными случаями, прокрадывался потихоньку в кабинет и прятался за ширмы, стоявшие подле дверей; когда же отец, не заметивши его, уходил из кабинета и запирали за собою дверь – Миша оставался полным хозяином библиотеки и вполне удовлетворял своей страсти; он с жадностью читал все, что ни попадалось ему в руки, и не помнил себя от радости. Он оставался в кабинете иногда по нескольку часов, то есть, до прихода отца; при первом звуке ключа он прятался опять за ширмы, и когда отец принимался сам за чтение или за письменные дела, Миша уходил потихоньку и нередко уносил недочитанную книгу. Наконец хитрость эта была открыта; предаваясь чтению с самозабвением, он не расслышал отворяющейся двери и был пойман отцом на месте преступления, с книгою в руках. Отец, видя в сыне такое необыкновенное стремление к чтению и образованию, чего, конечно, не мог не одобрить, разрешил ему брать книги из библиотеки с его позволения; книги выбирались преимущественно исторические, и молодой Загоскин мог удовлетворять свободно своей склонности, не предаваясь однако ей с излишеством, за чем уже наблюдали постоянно.

Доброта и вспыльчивость были отличительными качествами Загоскина в самых ранних детских летах. Вот пример того и другого: маленький Загоскин любил читать, лежа на диване и лакомясь изюмом и коринкой; один из меньших братьев часто влезал к нему на диван, начинал его трогать, щипать и просить ягод; Загоскин отдавал часть лакомства с просьбою не мешать ему; через несколько минут маленький шалун опять являлся с прежними доуками; Загоскин отдавал весь изюм и коринку с условием: не входить к нему в комнату и не мешать его чтению; но через несколько времени, истребив весь запас лакомства, брат снова отворял дверь – и тогда Загоскин, вспыхив, вскакивал с дивана, бросал книгу и принимался таскать за волосы неотвязчивого ребенка; впоследствии он любил этого брата с особенною нежностью.

Так шли дела до 1802 года. В это время Михайла Николаевич

Загоскин, по 14 году, был отправлен отцом в Петербург, где и начал свою службу в канцелярии государственного казначея, куда определился канцеляристом в 1802 году 15 мая; оттуда перешел он служить в Горный департамент; потом был перемещен в Государственный заемный банк, и в 1811 году опять перешел в Департамент горных и соляных дел, помощником столоначальника, в чине губернского секретаря. Очевидно, что статская служба Загоскина подвигалась вперед медленно. Наконец наступил 1812 год, загорелась отечественная война, и Загоскин, оставив статскую службу, записался 9 августа в петербургское ополчение. Нельзя предположить, чтоб в это десятилетнее пребывание и служение в Петербурге Загоскин не занимался литературою. К сожалению, никаких точных сведений я об этом получить не мог.

Знаю только положительно, что именно в это время Загоскин старался вознаградить недостаток своего образования, что, при вступлении в военную службу, он знал уже по-французски и несколько по-немецки. Знаю также и то, что именно в это время Загоскин очень нуждался в средствах к существованию, и что нередко находился в совершенной крайности вместе с своим верным дядькой и слугой, Прохором Кондратьичем, которого вывел впоследствии в романе «Мирошев».

Кто знал Загоскина, хотя не в молодых годах, тот может судить, каким пылким молодым человеком был он на 24 году своей жизни, когда вступил офицером в ряды петербургского ополчения, в корпус графа Витгенштейна. С детских лет, имея по преимуществу русское направление и пылкую натуру, он горел нетерпением запечатлеть кровью свою горячую любовь к отчизне; в сражении под Полоцком он был ранен в ногу и получил за храбрость орден Анны 3-й степени на шпагу. По излечении раны он возвратился к своему полку и по желанию графа Левиса был назначен к нему адъютантом; в этой должности находился он до сдачи Данцига, то есть до окончания войны. С прекрасной наружностью, внушавшей расположение и доверенность, вспыльчивый, живой, откровенный, добрый и постоянно веселый, Загоскин был любим товарищами и всеми его окружавшими. Истинный русак, исполненный добродушного комизма, он имел множество самых смешных столкновений с немцами в продолжение долгой осады Данцига. Он любил об этом рассказывать даже в немолодых своих годах, и рассказывал так оригинально, живо и забавно, что увлекал всех своих слушателей, и громким смехом выражалась общая искренняя веселость. Некоторые происшествия, описанные Загоскиным в четвертом томе «Рославлева», действительно случились с ним самим или с

другими его сослуживцами, при осаде Данцига.

После сдачи Данцига ополчение было распущено, и Загоскин, не желая продолжать военной службы, для чего он мог бы перейти в какой-нибудь армейский полк, отправился в Россию, на свою родину, в Пензенскую губернию, в свой любимый Рамзай, где, хотя на короткое время, обратился снова к прежним, дорогим его сердцу, занятиям: чтению и сочинению. Там в первый раз попробовал он себя на поприще драматическом и написал комедию в одном действии под названием «Проказник». Многие из тех, кому он читал свою пиесу, очень ее хвалили; но молодой автор не мог иметь доверенности к своим судьям; а потому по приезде своем в Петербург, в самом начале 1815 года, где он поступил опять на службу в тот же Департамент горных и соляных дел, тем же помощником столоначальника – Загоскин решился отдать на суд свою комедию известному комическому писателю, князю Шаховскому, хотя и не был с ним знаком. К такому поступку побудили его следующие причины: он не знал лично никого из петербургских сочинителей, на чье суждение мог бы положиться; кн. Шаховской был тогда в большой славе, и все его пиесы игрались на театре с блистательным успехом; наконец, самое важное обстоятельство – князь Шаховской служил при театре репертуарным членом, и от него вполне зависели принятие театральных пиес и постановка их на сцену. Скромный Загоскин, не будучи уверен в своем таланте, никак не мог решиться приехать прямо к князю Шаховскому; он написал к нему письмо от неизвестного, в котором просил: «прочсть прилагаемую пиесу и, приняв в соображение, что это первый опыт молодого сочинителя, сказать правду: есть ли в нем талант и заслуживает ли его комедия сценического представления? Если нет, то не спрашивая об имени автора, возвратить рукопись человеку, который будет прислан в такое-то время». Этот человек – был сам Загоскин. Я не знаю этой пиесы: ее играли на театре с посредственным успехом, и она никогда не была напечатана; но впоследствии я слышал от князя Шаховского, что он был приятно изумлен, когда между десятками бездарных произведений попалась ему в руки эта небольшая комедия, в которой он заметил много живости и неподдельной веселости. Князь Шаховской, разумеется, не возвратил ее, а просил, также через письмо, отданное самому Загоскину, пожаловать неизвестного автора к нему, прибавляя, что он находит пиесу весьма хорошо написанною, и что очень желает лично познакомиться с сочинителем. Обрадованный Загоскин, часа через два, явился к знаменитому тогда драматургу и был им очень обласкан. С этих пор началось его знакомство с князем Шаховским, перешедшее

потом в самую близкую и дружескую связь. В том же 1815 году, вскоре после появления на сцене большой комедии князя Шаховского «Липецкие воды, или Урок кокеткам», которая несмотря на блестящий сценический успех, нашла много порицателей, Загоскин написал комедию в 3-х действиях «Комедия против комедии, или Урок волокитам», представленную в Петербурге на малом театре в пользу актера Брянского, 3 ноября 1815 года. – Эта пьеса написана Загоскиным, который всегда уважал талант князя Шаховского, а теперь сделался одним из самых жарких его почитателей, – в защиту комедии «Липецкие воды», о чем и сам автор говорит в предисловии. Очевидно, что в литературном мире жестоко нападали на «Липецкие воды». Хотя публика не слушала этих нападений, хотя во время представления этой комедии театр всегда был полон и беспрестанно раздавались громкие рукоплескания, но Загоскину были так досадны выходы противников князя Шаховского, что он решился высказать на сцене в защиту «Липецких вод» все то, что можно было изложить в длинной полемической статье – и он написал «Комедию против комедии». Действуя тогда по горячему душевному убеждению (как и во всю свою жизнь), Загоскин своей комедией вооружил против себя большую часть тогдашних литераторов, что также можно видеть из предисловия к пьесе, написанного через год после ее представления на сцене, где она имела значительный успех. Для объяснения такого противоречия между успехами князя Шаховского на сцене, в публике светской, и гонений в кругу литературном, надобно сказать несколько слов о тогдашних литературных партиях. Князь Шаховской был славянофил того времени, шишковист, то есть принадлежал к партии Александра Семеновича Шишкова, весьма немногочисленной, но упорной и горячей. Название славянофильства было дано и употреблялось тогда так же неверно, как и теперь: это просто было и есть – русское направление. Шишков книгою своей «Рассуждение о старом и новом слоге» уже давно вооружил против себя и против своих единомышленников почти всех литераторов, обиженных нападениями на Карамзина и его последователей. Но на князя Шаховского сердились даже более, чем на самого Шишкова, именно за комедию «Новый Стерн», в которой было осмеяно карамзинское чувствительное направление. Эту маленькую пьесу, которую теперь знают весьма немногие из молодого поколения литераторов, тогда знала вся читающая публика и хлопала ей на сцене без милосердия. Книга Шишкова забывалась понемногу, а «Новый Стерн», написанный недавно, игрался часто на театре.

В комедии же «Липецкие воды» осмеивалось балладное

направление Жуковского, что также оскорбило многих. Нечего и говорить, что обе стороны были и правы, и виноваты. Теперь это ясно, но тогда было темно. Публика мало заботилась о том, кто прав, кто виноват: она смеялась и хлопала в театре Шаховскому, смеялась и знала наизусть эпиграммы, на него написанные, особенно следующую:

С какою легкостью свободной
Играешь ты природой и собой;
Ты в шубах Шаховской холодный,
В водах ты Шаховской – сухой.

Это была одна из самых удачных эпиграмм князя Вяземского, намекавшая третьим стихом на шуточную поэму князя Шаховского «Расхищенные шубы», а четвертым – на «Липецкие воды». В печати стояло вместо Шаховской – *Шутовской*. – Как бы то ни было, только «Комедия против комедии» была принята на сцене очень хорошо и давалась часто. Я сам слышал, даже от противников князя Шаховского, что в пьесе Загоскина гораздо более живости действия, интереса завязки и комизма, чем в «Липецких водах»; хотя на искренность таких отзывов нельзя полагаться, ибо тут похвалою защитника бьют защищаемого, но комедия Загоскина точно имела достоинство, не только как первый дебют молодого писателя, как пьеса, написанная кстати, по обстоятельствам, как пьеса своего времени, но как литературное произведение с нравственной мыслью, высказанной на сцене живо и весело, языком чистым, легким и разговорным. Очевидно, что Загоскин уже много писал прежде, но не печатал, «набивал руку», как он сам мне говаривал. Тогда так легко и свободно писал для сцены только один Шаховской, заслуги которого разговорному языку, литературе драматической и сценической постановке – весьма важны и стоят благодарного воспоминания.

«Комедия против комедии» была началом и основанием известности Загоскина. В 1816 году 21 мая он вышел из Горного департамента и женился в Петербурге, а в 1817 году определен в Дирекцию императорских театров помощником члена репертуарной части; в этом же году была представлена и напечатана новая комедия Загоскина в 5-ти действиях «Господин Богатонов^[2], или Провинциал в столице», посвященная князю Ивану Михайловичу Долгорукому, которому автор комедии был всегда сердечно предан. Эта пьеса имела большой успех на сцене, несмотря на то, что была дана в первый раз 27 июня, когда весь Петербург переселяется на дачи.

Удивительно, как трудно человеку забыть, хоть на одну минуту, свое настоящее воззрение и возвратиться к тем понятиям, к тому взгляду, которыми руководствовался он тому лет 40 назад и под условиями которых ложились на него впечатления окружающих его предметов и явлений. Я с особенною живостью почувствовал эту трудность, прочитав Богатонова в 1852 году. Он гораздо выше во всем «Комедии против комедии». В «Богатонове» выведено уже не пустое кокетство, не волокитство, а глупый богатый невежда, степной помещик, помешавшийся на связях с знатью и переехавший на житье в Петербург; лицо, на котором, как на оселке, пробуются и оказывается нечистая сущность столичных негодяев, с их иностранным, или лучше сказать, с французским направлением. В продолжение 35 лет, наружные формы этих лиц так изменились, что нельзя представить себе их прошедшую действительность. Если б этот тип пропал совсем, то было бы легче вообразить его и не сомневаться в верности изображения; но он не перевелся, его все знают и видят, только совсем под другими формами, – и потому лица Загоскина кажутся теперь призраками, придуманными автором для назидания публики, а более для потехи зрителей, или ветряными мельницами, с которыми он добросовестно сражается. Приняв в соображение, что все условия французской комедии, чтимые и уважаемые беспрекословно самыми умными тогдашними людьми, теперь скучны и невыносимы даже в Мольере; что Мольер в малейших подробностях считался тогда непогрешимым образцом, что Загоскин, разумеется, благоговейно шел по тем же следам – надобно признать немало дарования в сочинителе, если его талант пробивается сквозь всю эту кору. Читая «Богатонова», именно чувствуешь почти на каждой странице это, так сказать, *проступание* природного комического дарования; некоторых сцен и теперь нельзя прочесть без смеха, а живая человеческая речь слышна у всех, даже иногда у добродетельных людей. Отсюда можно сделать заключение, как должен был нравиться «Богатонов» в 1817 году. Оно так и было: как современник Загоскина, я имею полное право удостоверить в том читателей. Я могу ошибаться в собственных своих суждениях, а не в том, чему я был свидетелем. Несмотря на невыгодное время своего появления, «Багатонов» очень понравился, и его давали очень часто в продолжение лета, осени и всего зимнего карнавала; зрители постоянно смеялись и хлопали, и он долго оставался на репертуаре. Самобытность комического таланта в Загоскине была признана всеми; вскоре он утвердил это мнение новой комедиею в 3-х действиях, под названием «Вечеринка ученых», которая в 1817 году, ноября 12, была дана в Петербурге в бенефис актера

Боброва. В том же году Загоскин был определен почетным библиотекарем в императорскую Публичную библиотеку. – «Вечеринка ученых», конечно, бедна своей интригой и содержанием, даже беднее предыдущих комедий Загоскина, уже потому, что повторяет одну и ту же завязку и развязку: везде надобно женить доброго человека на хорошей девушке, везде есть тетушка или сестра, несогласная на этот брак, везде есть друг, дядя или брат, ему покровительствующий, везде избобличают жениха негодяя, всегда графа или князя, и отдают невесту доброму человеку, ею любимому. Это общая тема с разными вариациями; но, несмотря на то, покровитель дядя в «Вечеринке ученых», г-н Волгин, так оригинален и смешон, что вариация вышла весьма удачна. Литературное заседание в доме сестры его, пожилой вдовы г-жи Радугиной, помешавшейся на сочинении стихов и прозы, так забавно, исполнено такого добродушного комизма, что эту сцену никто не выслушает и не прочтет без смеха. Может быть литераторы и журналист, выведенные в пьесе, покажутся лицами неестественными, преувеличенными; но такие лица не только бывали тогда, но даже и теперь можно отыскать им подобных, конечно, уже людей не молодых, которые в светском кругу низшего слоя считаются даровитыми писателями. Нет, не призраки они были, а взяты из жизни, списаны с натуры и единственно потому эта небольшая комедия, своим третьим актом, всегда возбуждала общий смех и рукоплескания зрителей Петербургского театра. Я видел ее потом уже в 1821 году в Москве, и публика также смеялась и также хлопала. Без сомнения, Загоскин писал свои комедии легко и скоро: это чувствуется по их легкому содержанию и составу; иначе такая деятельность была бы изумительна, ибо в 1817 же году Загоскин вместе с г. Корсаковым издавал в Петербурге журнал «Северный Наблюдатель», который, кажется, выходил по два раза в месяц, и в котором он принимал самое деятельное участие; а в последние полгода – что мне рассказывал сам Загоскин, – когда ответственный редактор, г. Корсаков, по болезни или отсутствию не мог заниматься журналом – он издавал его один, работая день и ночь, и подписывая статьи разными буквами и псевдонимами. Не имея в руках книжек этого журнала, ничего не могу сказать о достоинстве статей Загоскина^[3].

В 1818 году Загоскин оставил службу при театре и был перемещен на штатную ваканцию помощника библиотекаря с жалованьем. Он принимал деятельное участие в приведении библиотеки в порядок и в составлении каталога русских книг, за что через два года был награжден орденом Анны 3-й степени. В непродолжительном времени, и именно 5 июля 1820 года, он

оставил службу и должность штатного помощника и был переименован в прежнее звание почетного библиотекаря.

Вероятно в этом году была написана Загоскиным новая, большая комедия: «Второй Богатов, или Столичный житель в провинции»^[4], которую я не видал на сцене, хотя она была с большим успехом играна, и которой я не читал; не знаю даже, была ли она напечатана. При всем моем старании, я нигде не мог ее достать.

В 1819 году литературная деятельность Загоскина ограничилась небольшой комедией в одном действии: «Роман на большой дороге». Эта пьеса не имеет значения и написана так, для развлечения, посреди хлопотливых занятий по делам устройства императорской Публичной библиотеки; а более для того, чтобы дать что-нибудь новенькое в бенефис своим любимым актерам, Сосницким, которых и публика также очень любила. Впрочем, и в этой безделке язык также очень хорош, разговор жив и весел. Молодой гусар Изборский, лицо, написанное для Сосницкого, который славился в подобных ролях, мастерски подражая тогдашней военной молодежи – нарисовано очень недурно: но зато интрига и развязка пьесы до такой степени неправдоподобна, условность доведена до такой наивности, что теперь она составляет своего рода комическое явление и заставляет смеяться читателя. Несмотря на все это, «Роман на большой дороге» был принят публикою с большим одобрением. Эту комедию давали в первый раз в 1819 году, июля 29, на большом Петербургском театре, в пользу актера и актрисы г-д Сосницких. – В 1820 году Загоскин написал комедию в 3-х действиях «Добрый малый» и посвятил ее своему начальнику, директору Публичной библиотеки, Алексею Николаевичу Оленину. Это имя не будет забыто в истории русской литературы. Все без исключения русские таланты того времени собирались около него, как около старшего друга, и вот почему Загоскин посвятил ему свою комедию. Она была представлена в первый раз на большом Петербургском театре 23 июня того же 1820 года. – В основе этой пьесы уже лежит более глубокая, более серьезная мысль. «Добрый малый» – не пустое, не временное лицо, а вечное; протей по своему многообразию, он не переведется, куда будут жить люди обществом; я думаю даже, что и между дикарями есть своего рода добрые малые. Хотя у Загоскина Вельский в действительности совсем не «добрый малый», а настоящий мошенник, но в комедии везде проведена мысль: *вот кого в свете называют добрым малым*. Так бы и следовало назвать комедию. Пьеса написана под прежними сценическими условиями, завязка, развязка и характеры действующих лиц, в своей основе, также

прежние, с некоторыми приличными изменениями, но со всем тем комедия была признана публикою и литературным судом того времени – лучшим произведением Загоскина^[5], из всего им написанного до тех пор, что и по моему мнению было справедливо. Выбрав одну из многих физиономий «Доброго малого», взглянув на него с своей точки зрения, Загоскин очень верно и даже смело нарисовал всю его фигуру и придал ему приличное внутреннее значение: Вельский последователен и не изменяет себе до конца пьесы. Сначала он своей угодливостью напоминает как-то Молчалина, но впоследствии это сходство исчезает. Заимствовать Загоскин не мог, потому что комедия Грибоедова написана гораздо позднее. В этой пьесе есть другое лицо, которое, мне кажется, выдержано и окончено лучше всех: это старик Ладов, безграмотный собиратель древностей, почти влюбленный в Вельского. Сцена между им и старинным его приятелем Стародумовым, который, зная Вельского за негодяя, старается образумить Ладова – выдержит современную строгую критику и написана с большим умением. Последняя сцена, где читают письмо Вельского и где он отделяет всех слушателей своего письма, также очень хороша и имеет некоторое сходство с последнею сценою «Ревизора». Комедия очень ловко оканчивается словами Ладова, которому ясно доказали, что Вельский мошенник, что он всех обманывал, обыграл наверное своего приятеля и хотел отбить у него невесту: «Эх, милый! все так... да малый-то он добрый!..» Вообще во всей пьесе много жизни и веселости – веселости, которую не может заметить никакое остроумие, никакое комическое положение действующих лиц. Разговорный язык даже лучше, чем в прежних пьесах Загоскина. Это была последняя пьеса, написанная им в Петербурге.

В 1820 году, в июле, Загоскин по семейным обстоятельствам переехал в Москву, где и продолжалась вся остальная литературная его деятельность. В Москве Загоскин короче познакомился, а потом и подружился с Фед. Фед. Кокошкиным, с которым был знаком и в Петербурге, но против которого он был предубежден князем Шаховским, не любившим Кокошкина без всякой основательной причины. Литературный круг «Переводчика Мизантропа», как его тогда величали, встретил Загоскина с полным радушием, и вскоре он сделался близким приятелем всех его членов.

До 1821 года Загоскин не писал стихов; он не чувствовал падения и меры стиха, и сам признавался, что это не его дело. Один раз в кругу коротких приятелей рассердили его тем, что не хотели даже выслушать каких-то его замечаний на какие-то стихи, основываясь на том, что он в стихотворстве ничего не

понимает. Загоскин вспылал и сказал, что он докажет всем, как понимает это дело, и через два месяца прочел прекрасное, довольно длинное послание к Н. И. Гнедичу, написанное шестистопными ямбами с рифмами. Оно стоило Загоскину неимоверных трудов: не имея уха, каждый стих он разделял черточками на слоги и стопы, и над каждым слогом ставил ударение; в иной день ему не удавалось выковать более четырех стихов, и из такой египетской, тяжелой работы стихи вышли легки, свежи, звучны и естественны! Все были изумлены. Тут проявилась вполне настоящая русская, разумеется, талантливая натура Загоскина; сказал: сделаю – и сделал, да еще едва ли не лучше учителей. Это послание, кажется, было напечатано в Петербурге, в журнале «Общества соревнователей просвещения»^[6]. Из писем Гнедича видно, что в 1821 же году Загоскин написал стихами сцены: «Авторская клятва» и потом: «Выбор невесты». Обе эти пиесы, написанные в драматической форме, были читаны в «Обществе соревнователей просвещения» в Петербурге, в журнале которого они и напечатаны^[7]. Вот что пишет Н. И. Гнедич к Загоскину от 19 апреля 1821 года: «После „Авторской клятвы“, я уже перестану и удивляться твоим истинно блистательным успехам, любезный друг Михаил Николаевич... но удовольствие Крылова при слушании „Авторской клятвы“ верно лучшая тебе порука за достоинство пиесы, основанной на действии и характерах и написанной живо и чисто. Самая же пиеса порука нам, что ты подаришь театр комедией в стихах...». Тогда же Загоскин написал несколько «Разговоров в прозе», очень веселых и забавных, вроде учебных разговоров или диалогов. Гнедич, строгий судья и не охотник хвалить, пишет об этом в одном из своих писем 1821 года мая 19: «Не думаю, мой друг, чтобы хвалы могли избаловать тебя. Ты имеешь и ум, и совесть дарованья, – чтобы не ослепляться собою. Успехи действительно, во всем смысле этого слова, блистательны – так никто не начинал: ты понимаешь меня – не *начинал*... Я слышал и твои разговоры в прозе. Их читал Греч, и читал прекрасно. Мысль чрезвычайно оригинальная, веселая и выполнена отменно приятно. Род этот, то есть маленькие сочинения в разговорах, может быть лучшим упражнением твоего таланта для отдыхов от работ серьезных, то есть больших».

Ободренный успехом, Загоскин решился написать комедию стихами; с твердостью и, можно сказать, с самоотвержением засел за работу и через несколько месяцев написал довольно большую комедию в стихах, в одном акте, также шестистопными ямбами с рифмами: «Урок холостым, или Наследники», которая в 1822 году, 4 мая, была сыграна на Московском театре и тогда же

напечатана. Всякая комедия, написанная прекрасными стихами, языком разговорным, была бы тогда замечательным явлением, и без той неизменной веселости и комической жизни, которой так много в «Наследниках». Публика и литераторы приняли пиесу с восхищением; стихи в этой пиесе вообще так хороши, что и теперь можно их прочесть с удовольствием. Конечно, тогда уже начинали писать гладкими стихами для театра; но в этой пустой, щеголеватой гладкости состояло все их достоинство. Стихи Загоскина, напротив, при всей легкости разговорного языка, не пусты: в них есть содержание, сила, и мысль укладывается в стихе вся без остатка и без натяжки. В пиесе нет таких мест, которые бы ярко выдавались. Она вся написана хорошо, вся ровна. Выписываю совершенно на выдержку: бедная девушка Лиза живет из милости в доме своего дальнего родственника, жена которого, г-жа Звонкина, попрекает ей бедностью, а сын ея Любим, влюбленный в Лизу, ее смиренно защищает:

Лиза

Конечно, я бедна; но бедность не порок.

Звонкина

А что ж, сударыня, чай скажешь: добродетель!
Покойный твой отец, всемирный благодетель —
А нищий сам, как ты, точь в точь же рассуждал,
Престрогий был судья и взятки он не брал.
Тот домик выстроил, другой купил деревню,
А он прямехонько попал бы в богадельню.

Любим

Честнейший человек!

Звонкина

Скажи, сударь, гордец:
Хотел быть всех умней! Что ж вышло наконец?
Да что и говорить! он был совсем без правил.
Служил в палате век — а дочь с сумой оставил.

Любим

Все так, однако ж он...

Звонкина

Ну, полно врать – молчи!
Пошли ко мне отца; а ты достань ключи
От сахара – они в столе; – отдай их Дуньке;
Да у меня смотри! прошу ходить по струнке!
Ступай!

Как хорошо обрисовывается натура Звонкиной, и как много слышно действительной жизни во всех ее словах, и какая естественность разговора! Сцены подлой угодливости наследников, когда приезжает их дядя богач и холостяк – очень живы и смешны. Старик, хорошо понимающий своих наследников, прикидывается, что сам хочет жениться на Лизе, и все родные, смертельно перепуганные, желая удержать богатство дяди в своей семье, спешат помолвить ее за Любима, о чем прежде не хотели и слышать. Старик того и желал; он отдает все свое имение внуку, и один из родственников, более всех потерявший, имевший сам виды на Лизу, оканчивает пьесу следующими стихами:

Турусин

О варвар, о злодей!.. Ну, выдумал я средство:
Без денег, без жены и даже – без наследства.

В том же 1822 году, мая 18, Загоскин поступил к московскому военному генерал-губернатору в число чиновников особых поручений, с исправлением должности экспедитора по театральному отделению. Для объяснения такого, странного теперь, назначения, надобно сказать, что тогда в Москве не было дирекции театра, а находилась контора, состоявшая под непосредственным заведыванием генерал-губернатора, князя Д. В. Голицына, который ценил Загоскина как литератора и очень любил его как человека.

В 1823 году Загоскин написал комедию-водевиль: «Деревенский философ», которая была сыграна 23 января, в бенефис Сабурова. Это очень забавная безделка с прекрасными куплетами. Выписываю один из них: его поет Волгин, мечтая о своем проекте: «устройство водяного сообщения между Черным и

Чтоб подробно их исчислить,
Коротка вся жизнь моя;
Без восторга и помыслить
Не могу об этом я.
Персияне и китайцы,
Кашемирцы и бухарцы
Приплывут в Одессу к нам;
Мы соболю бросим ловлю,
А индийскую торговлю
Приберем тогда к рукам.

В 1823 году, марта 30, Загоскин определен в контору дирекции Московского театра (получившего свое особенное образование и особого директора) членом по хозяйственной части.

До 1828 года Загоскин ничего не напечатал; литературная деятельность его как будто приостановилась; на это были следующие причины; во-первых, он усердно занялся своей хлопотливой должностью; во-вторых, ему очень не нравилась служебная перспектива в чине вечного титулярного советника, потому что не воспитывавшись ни в одном казенном заведении, он не мог быть произведен в следующий чин, и Загоскин решился выдержать экзамен для получения чина коллежского асессора. К экзамену надобно было приготовиться, и Загоскин посвящал на это все свободное от службы время, в продолжение полутора года; он трудился с такою добросовестностью, что даже вытвердил наизусть «римское право». Наконец, он выдержал испытание блистательно, и сам требовал от профессоров, чтоб его экзаменовали как можно строже. Загоскин в письме ко мне очень забавно описывает свои экзамены и между прочим сердится на одного из профессоров, который предложил ему вопрос: кто такой был Ломоносов? – «Ну, можно ли об этом спрашивать (пишет Загоскин) не мальчика, а литератора, уже давно получившего некоторую известность? Я хотел было отвечать ему, что Ломоносов был сапожник». Свалив с плеч экзамен, Загоскин, давно ничего не писавший, принялся за большую комедию в стихах, которую ему и прежде хотелось написать; он писал долго, – и наконец, в 1828 году «Благородный театр», комедия в 4-х актах, была сыграна на московской сцене. Эта пиеса имела самый полный, самый огромный успех: зрители задыхались от смеха, хохот мешал хлопать, и гром рукоплесканий вырывался только по временам, особенно по окончании каждого акта; только

в последующие представления неумолкаемые рукоплескания раздавались вместе со смехом. Комедия вполне стоила такого успеха – не по мысли, которая не имела большой значительности и тогда, теперь же и совсем ее теряет (кто в 1852 году станет серьезно заниматься благородными спектаклями?.. а тогда занимались ими серьезно), – но потому, что вся пьеса исполнена такой неистощимой веселости, живости, естественности, до того проникнута комизмом характеров, положений и речей, написана такими прекрасными стихами, что собственно в этих отношениях не имеет себе равной. Кроме Любского, затеявшего у себя благородный спектакль, изображенного и выдержанного в совершенстве, кроме Волгина, грубого добряка, попадающего нечаянно в закулисный омут, вовсе ему чуждый и неизвестный, Волгина, который, по моему мнению, своим положением забавнее всех других лиц, – в этой комедии есть характер, задуманный весьма счастливо и выполненный прекрасно: это Посошков, человек умный, страстный любитель театра, сочинитель и актер, чувствующий, понимающий искусство, и только потому смешной и даже глупый, что ничего кроме искусства не видит и не понимает. Эта исключительность, эта односторонность, которые иногда бывают губительны людям с истинными дарованиями, схвачены автором очень удачно. Я не помню, было ли лицо Посошкова замечено и оценено тогдашними критиками. Должно сказать правду, что необыкновенному успеху пьесы способствовало мастерское исполнение на сцене: пьесу ставил князь Шаховской, не имевший равного себе знатока в этом деле. Роль Любского была создана, так сказать, по средствам и особенности таланта Щепкина: Любский, с начала до конца, находится в тревоге и волнении, горячится, выходит из себя; только Щепкин, наделенный таким неистощимым запасом огня, мог выдержать эту роль, не заменяя криком внутренней горячности, не делаясь однообразным. Не выдавши, нельзя себе вообразить того совершенства, с которым, 25 лет назад, играл Любского наш знаменитый артист. Мочалов – в роли Вельского, Сабуров – Посошкова и Рязанцев – Изведова (незабвенные потери для сцены) вместе с Кавалеровой, Репиной и со всеми другими без исключения – составляли такой лад в ходе пьесы, какого я, постоянный любитель театра, никогда после не видывал. По общему признанию и по справедливости «Благородный театр» – лучшая комедия Загоскина. Я хотел выписками подтвердить мои слова, но это невозможно: надобно выписывать всю пьесу.

С 1823 по 1829 год включительно Загоскин получил ордена 4-й степени св. Владимира и 2-й степени Анны и чины коллежского асессора и надворного советника.

Еще до окончания комедии «Благородный театр», овладела Загоскиным мысль: написать русский исторический роман. Ему до смерти надоело, как он сам мне часто говаривал: «таскать кандалы условных, противоестественных законов, которые носит сочинитель, пишущий комедию, да еще шестистопными стихами, с проклятыми рифмами». Вспомнив трудность, с какою Загоскин писал стихи, и охоту щеголять мудреными рифмами – легко понять, что он говорил очень искренно: впрочем Загоскин иначе и говорить не умел. Роман казался ему «открытым полем, где могло свободно разгуляться воображение писателя». Немедленно, после первых представлений «Благородного театра», вполне удовлетворивших самолюбию Загоскина, принялся он готовиться к сочинению исторического романа. Он был весь погружен в эту мысль, охвачен ею совершенно; его всегдашняя рассеянность, к которой давно привыкли и которую уже не замечали, до того усилилась, что все ее заметили, и все спрашивали друг друга, что сделалось с Загоскиным? Он не видит, с кем говорит, и не знает, что говорит? – Встречаясь на улицах с короткими приятелями, он не узнавал никого, не отвечал на поклоны и не слышал приветствий: он читал в это время исторические документы и жил в 1612 году. Наконец, обдумав содержание, выбрав эпоху и прочтя добросовестно все, к ней относящееся, с необыкновенным одушевлением принялся он писать, и в 1829 году напечатал «Юрия Милославского, или Русские в 1612 году», в 3-х томах. Появление этого романа составляет эпоху в жизни Загоскина, в литературном и общественном отношении. Восхищение было общее, единодушное: немного находилось людей, которые его не вполне разделяли. Публика обеих столиц и вслед за нею, или почти вместе с нею, публика провинциальная пришли в совершенный восторг. Впоследствии, не так скоро, но прочно, без восторга, но с каким-то умилением начала читать и читает до сих пор «Юрия Милославского» вся грамотная Русь... и читает она его не даром: русский ум, дух и склад речи впервые послышались на Руси в этом романе. Все обрадовались «Юрию Милославскому», как общественному приятному событию; все обратились к Загоскину: знакомые и незнакомые, знать, власти, дворянство и купечество, ученые и литераторы – обратились со всеми знаками уважения, с восторженными похвалами; все, кто жили или приезжали в Москву, ехали к Загоскину; кто были в отсутствии – писали к нему. Всякий день получал он новые письма, лестные для авторского самолюбия. Жуковский писал: «Вот что со мной случилось: получив вашу книгу, я раскрыл ее с некоторою к ней недоверчивостью, с тем только, чтобы заглянуть в некоторые страницы, получить какое-нибудь понятие о слоге вообще; но с

первой страницы перешел я на вторую, вторая заманила меня на третью, и вышло наконец, что я все три томика прочитал в один присест, не покидая книги до поздней ночи. Это для меня решительное доказательство достоинства вашего романа». – Пушкин выразился почти так же в своем письме: «М. Г. Мих. Ник. Прерываю увлекательное чтение вашего романа, чтоб сердечно поблагодарить вас за присылку „Юрия Милославского“, – лестный знак вашего ко мне благорасположения. Поздравляю вас с успехом полным и вполне заслуженным, а публику с одним из лучших романов нынешней эпохи. Все читают его. Жуковский провел за ним целую ночь. Дамы от него в восхищении. В „Литературной газете“ будет о нем статья Погорельского.^[8]

Если в ней не все будет высказано, то постараюсь досказать. Простите. Дай бог вам многие лета, т. е. дай бог нам многие романы» и пр. Января 11-го, 1830, Спб. – Пушкин сдержал слово и написал об «Юрии Милославском» в «Литературной газете».

А. Н. Оленин, И. И. Дмитриев, кн. Шаховской, Гнедич, Крылов и другие горячо и искренно приветствовали торжество нового таланта. Один только Крылов не писал сам, по известной своей лени, но за него писали Пушкин, Гнедич и князь Шаховской.

В одном из писем князя Шаховского, писанном прежде писем Жуковского и Пушкина, интересно следующее описание литературного обеда у графа Ф. П. Толстого, которое показывает впечатление, произведенное «Юрием Милославским», при первом его появлении в печати: «Я уже совсем оделся, чтоб ехать на свидание с нашими первоклассными писателями, как вдруг принесли мне твой роман; я ему обрадовался и повез с собой мою радость к гр. Толстому. Но там меня ею уже встретили. Первое действующее лицо авторского обеда, явившееся на сцену, был Пушкин, и тотчас заговорил о тебе; Пушкин восхищался отрывками твоего романа, которые он читал в журнале; входит Крылов из дворца: расспросы о тебе и *улыбательные* одобрения твоему роману; входит Гнедич: в восхищении от прекрасного твоего романа; наконец является Жуковский и, сказав два слова, объявляет, что не спал вчера всю ночь – от чего же? Все-таки от твоего романа, который он получил, развернул, хотел прочесть кое-что, и, не сходя с места и не ложась спать, не мог не прочесть всех трех томов; а это самая лучшая похвала, какую он мог сделать твоему сочинению; он просил меня тотчас к тебе написать о действии, которое ты над ним произвел, о своей благодарности и о том, что хотя он еще не успел поднести твоего романа императрице, но предварил ее, что она увидит диво на нашем языке».

Многое изменилось вокруг Загоскина: недоброжелатели

сделались друзьями, порицатели комика – хвалителями романиста, с важностью прибавляя, что наконец Загоскин попал на настоящую дорогу. Женщины не остались равнодушными в общем деле, и много прекрасных писем получил Загоскин от женщин, совершенно ему незнакомых: одним словом, он сделался знаменитостью, модным человеком, необходимостью обедов, балов, раутов и бесед с литературным направлением, львом тогдашнего времени. Внимание и одобрение государя довершило торжество Загоскина.

«Юрий Милославский» и теперь считается самым лучшим произведением Загоскина. Свежесть его прекрасного таланта, новость характеров, в первый раз выступивших на сцену русского романа, а всего более жизнь, везде разлитая, и неподдельная веселость русского ума, придают столько достоинства роману, что в этом отношении он занимает первое место в русской литературе. Очевидно, чтение исторических романов Вальтера Скотта внушило автору мысль написать русский исторический роман; очевидно, что он заимствовал форму и даже приемы знаменитого шотландца; но этим ограничилась вся подражательность Загоскина. Его счастливая, по преимуществу русская, натура создала чисто русских людей, задуманных, может быть, по образцу чужому. Разумеется, настоящий герой романа – Кирша, а сам Юрий Милославский лицо довольно бесцветное. Впрочем, многие герои романов Вальтера Скотта ничем его не лучше. Загоскин сам чувствовал, что Юрий Милославский мало возбуждает участия, и потому хотел оживить его, придав ему черты русского молодечества; он исполнил это не совсем удачно, потому что поступок с паном Копычинским не вытекает из характера Юрия Милославского; к тому же это анекдот новый, всем известный, и перемена рябчиков на гуся не помешала читателю вспомнить, что это случилось недавно, а не 200 лет тому назад. Такое воспоминание, по моему мнению, вредит впечатлению, не дает забыться вполне воображению и перенестись в ту эпоху, которую описывает сочинитель.

В «Юрии Милославском» большая часть сцен написана с увлекательною живостью, и все лица, кроме героя и героини романа, особенно там, где дело идет о любви (самое мудреное дело в народном русском романе) – лица живые, характерные, возбуждающие более или менее сочувствие в читателях всех родов; лицо же юродивого, Мити, явление исключительно русское, выхваченное из народной жизни, стоит выше всех и может назваться художественным созданием; оно написано с такою сердечною теплотою, которая проникает в душу каждого человека, способного к принятию такого рода впечатлений. Это

характер очень трудный: малейшее несоблюдение меры, в ту или другую сторону, уничтожило бы его высокое достоинство. Чувство любви христианской и религиозного настроения, которыми постоянно был проникнут сочинитель, перешли на бумагу. Мне привелось это видеть своими глазами. Я пришел однажды к Загоскину довольно рано поутру, вошел в его кабинет и увидел, что он сидит за письменным столом. Я подошел к нему так тихо, что он меня не слышал; когда я взглянул на него, то был поражен... Загоскина нельзя было узнать: слезы текли по его щекам и выражение духовного блаженства разливалось во всех чертах лица... Я не умею, не могу передать моего впечатления, хотя оно совершенно живо и свежо в моей памяти. «Что с тобой?» – спросил я. Загоскин взял тетрадь, всю закапанную слезами, и прочел мне смерть боярина Кручины Шалонского.

У нас не было еще народного писателя, в точном и полном смысле этого слова; наше отчуждение от народа и его малограмотность – прямые и очевидные тому препятствия; но Загоскин более других может назваться народным писателем. Кроме прочих сословий, его читали и читают все, знающие грамоте, торговые крестьяне; они рассказывают читанное ими, а иногда читают вслух многим другим безграмотным крестьянам. Огромное число табакерок и набивных платков, с изображением разных сцен из «Юрия Милославского», развозимых по всем углам необъятной России, поддерживают известность имени его сочинителя. Я встречал простолюдинов, которые знают не одного только «Юрия Милославского», но и выходившие после романы и повести Загоскина.

«Юрий Милославский» имел восемь изданий; он переведен на французский, немецкий, итальянский, голландский и английский языки и везде был принят с большими похвалами; на французский язык было сделано вдруг четыре перевода в Москве и Петербурге. Я видел у Загоскина много писем от разных европейских литературных знаменитостей, писем, наполненных лестными отзывами; было даже одно или два письма от Вальтера Скотта, но их (как и многих других) до сих пор не могли отыскать в бумагах покойного. Два письма, от Мериме и Фон-Ольберга, писанные *по-русски*, и потому замечательные, я помещаю в приложении. – Перевод «Юрия Милославского» на чешский язык вышел прошлого года. Вот что пишет об этом один пражский ученый к известному нашему профессору славянских древностей, О. М. Бодянскому: «Прага, 6/18 июля 1851 года. – Недавно перевели „Юрия Милославского“ Загоскина: вы не можете иметь понятия, как перевод был расхвачан. Все ждали в типографии: один читал его в первой, а другие – во второй корректуре;

остальные же, при освобождении листов из-под тисков, складывали оные и впивались в них чтением. Кажется, нет человека в Праге, который не прочел бы „Юрия Милославского, или Руссов в 1612 году“». Без сомнения такой восторженный прием был приготовлен известностью Загоскина: вероятно, пражские литераторы писали прежде о нем в журналах, а может быть и переводили отрывки из его сочинений.

Из всего сказанного мною об «Юрии Милославском» не подлежит сомнению, что он имел самый блистательный и прочный успех; но по какой-то странной причине, тогдашние журналы были очень умеренны в своих похвалах; положим, что двое из журналистов были сами романисты; но отчего другие, или холодно и двусмысленно хвалили, или упорно молчали? Отзывы журналов оставались в таком неблагоприятном расположении до смерти Загоскина, кроме «Библиотеки для чтения». Я недавно читал в одном из петербургских журналов, что рецензент, по случаю восьмого издания «Юрия Милославского», развернул его – и зачитался; «так легко и свободно читается этот роман», прибавляет он. Дело понятное: он хотел сказать, что других достоинств в нем не находится. В этом роде я читал и слышал много отзывов. Нет, милостивые государи: так нельзя объяснить огромный, повсеместный успех «Юрия Милославского» и собственное ваше сочувствие; не в одной живости и веселости рассказа, не в легкости языка надобно искать причины его, а в том, что весь роман проникнут русским духом, народностью. Вот отчего при чтении забываются, не примечаются его недостатки, в отношении к искусству, и, может быть, глубине взгляда на историческую эпоху. Чувство народности, согревающее весь роман, невольно пробуждает то же чувство, живущее в душе каждого русского человека, даже забитого европейским образованием; и это-то чувство народности понимают и ценят высоко самые иностранцы; и вот почему можно назвать Загоскина народным писателем. Если б весь народ знал грамоте, он читал бы с увлечением, не только «Юрия Милославского», но и другие сочинения Загоскина. Его по преимуществу русская натура, его самородный талант слышны в каждом слове, когда он не надевает на себя личины несродной ему природы. Чтобы задумать и заговорить вполне русским человеком, ему не нужно подслушивать, как думает и говорит русский народ: ему стоит только заговорить самому; этого не может сделать ни один из русских писателей. Напротив, Загоскину большого труда стоит изображение лиц, которые говорят хотя русскими словами, но думают и складывают речь свою не совсем по-русски, так что в этих изображениях он уступает многим нашим писателям:

русский дух и склад речи проступают у него там, где они неуместны. Но зато, когда Загоскин вырывается на свободу, то говорит свое живое слово, а не чужую мертвую речь. Эта особенность таланта Загоскина, по моему мнению, составляет его замечательное и великое достоинство. Пожалуй, у нас в литературе есть свои руссизмы, искусственно составленные из слов настоящих русских людей, отлитые в известные формы, так сказать: руссизмы казенные, которые, будучи лишены духа и жизни, остались мертвой буквой и не только не возбуждают сочувствия, но напротив производят самое неприятное впечатление.^[9]

Князь Шаховской сделал из «Юрия Милославского» романтическое представление в 5-ти сутках; оно не имело успеха на сцене.

В 1830 году, апреля 30, Загоскин перемещен в должность управляющего Конторою императорских московских театров, а в 1831 – произведен в коллежские советники, определен в должность директора Московских театров и пожалован в звание действительного камергера двора его императорского величества.

Немедленно после выхода в свет «Юрия Милославского» Загоскин задумал писать другой исторический роман: «Рославлев, или Русские в 1812 году», напечатанный в 1831 году. Очевидно, что Загоскин взял на себя слишком тяжелое обязательство, невозможное в исполнении по близости эпохи, которой прошло только 18 лет; не говорю уже о громадности, о всемирном значении самого события. Он писал этот роман около двух лет; слух о нем прошел по всей России, и все с напряженным нетерпением ожидали его появления. Некоторые из литераторов предвидели трудность такой задачи, и вот что Жуковский писал к Загоскину: «Мне сказывал князь Шаховской, что вы, в pendant вашему 1612 году, пишете роман 1812 года; не хочу с вами спорить; но боюсь великих предстоящих вам трудностей. Исторические лица 1612 года были в вашей власти, вы могли выставлять их по произволу; исторические лица 1812 года вам не дадутся. С первыми вы могли легко познакомить воображение читателя, и он, благодаря вашему таланту, уверен с вами, что они точно были такими, какими ваше воображение их представило вам; с последними этого сделать нельзя; мы знаем их, мы слишком к ним близки; мы уже предупреждены насчет их, и существенность загородит для нас вымысел. Впрочем, нет невозможного. Я говорю только: трудно! На всяком шагу порог, и спотыкаться легко». Но по выходе «Рославлева» Жуковский писал следующее к Загоскину, от 14 июня 1831 года: «Благодарю вас и за подарок и за „Рославлева“, почтеннейший Михаил Николаевич.

И с ним то же случилось, что с его старшим братом: я прочитал его в один почти присест. Признаюсь вам только в одном: по прочтении первых листов, я должен был отложить чтение, и эти первые листы произвели было во мне некоторое предубеждение против всего романа, и я побоялся, что он не пойдет наряду с „Милославским“. Описание большого света мне показалось неверно, и в гостиной князя Радугина я не узнал светского языка. Но все остальное прекрасно, и „Рославлев“ столько же приманчив, как старший брат его. Благословляю вас обеими руками на романы: это ваше дело, и предметов бездна...». Хотя с Жуковским нельзя согласиться в мнении о «Рославлеве», но до его выхода из печати, общая уверенность, что «Рославлев» будет еще лучше, или по крайней мере еще интереснее «Юрия Милославского», была так велика, что в Москве произошло, в своем роде, также событие, неслыханное в летописях книжной русской торговли. Роман еще не был кончен, как стали просить Загоскина, чтоб он его продал: за право напечатать четыре завода, то есть 4800 экземпляров, предложили сочинителю сорок тысяч рублей ассигнациями (а тогда ассигнации имели большой лаж), с тем только, чтобы он не печатал второго издания в продолжение трех лет! Это невероятно, но дело было точно так и шло через меня. Еще невероятнее, что содержатель типографии, Н. С. Степанов, покупавший роман, не имел денег для такого предприятия, и что московские книгопродавцы купили экземпляров будущего неоконченного романа, в 4-х небольших частях, с обыкновенною уступкою 20 процентов за комиссию, на 36 тысяч рублей ассигнациями, и внесли деньги вперед, обязуясь продавать *не дороже* 20 рублей за каждый экземпляр! Кто знает незначительность капиталов наших московских книгопродавцев, их осторожность, даже робость во всех книжных оборотах, тот поймет, как велика была общая вера публики в талант автора «Юрия Милославского»: поступок книгопродавцев служит только ее выражением. «Рославлев» не вполне удовлетворил всеобщему ожиданию, и смелое предприятие Степанова не имело успеха. Две тысячи четыреста экземпляров, купленные книгопродавцами, разошлись, но затем требования на книгу прекратились. Главную причину неудачи была холера в Петербурге; куда, вместо затребованных 800, отправлено 100 экземпляров. Впрочем, если б Степанов мог выдержать, переждать, то получил бы большие выгоды; но он не мог этого сделать, продал другую половину экземпляров за бесценок, и потерпел даже небольшой убыток. Впоследствии не только «Рославлев» разошелся, не сбавляя своей слишком высокой цены, но имел еще три издания; следовательно, приняв в соображение, что первое было вчетверо больше

обыкновенного, он выдержал семь изданий. Хотя это доказывает почти такой же успех, какой имел «Юрий Милославский», но в сущности большинство читающей публики не так было довольным новым романом, как прежним. «Рославлев» не мог иметь ожидаемого успеха, хотя талант сочинителя, во многих частностях, выказался с прежнею силою и свежестью. Не только современное, величайшее в мире, событие, так близко к нам стоявшее, что глаз еще не мог оглянуть его, но и самое содержание романа, основанное на современном же, известном тогда, происшествии, не могло произвести полного впечатления и возбудить сильного участия, которое должен произвести роман. Потеряв достоинство голого факта, силу действительности, происшествие не имело и достоинства вымысла, ибо все его знали. Написать же картину двенадцатого года – мысль необдуманно смелая. Еще все актеры, кончивши великую драму, полные ею, стояли в каком-то неясном волнении, смотря с изумлением на опустевшую сцену их действий – как вдруг начинают им представлять их самих; многим из них это показалось кукольной комедией. К тому же справедливость требует сказать, что самые частности, так сказать, лоскутки картины двенадцатого года, кроме некоторых сцен (как например, превосходной сцены ямщиков), в «Рославлеве» слабы и односторонни, а характеры действующих лиц мелки, хотя многие из них написаны очень верно и забавно. Одним словом: выбор такого содержания был ошибкой Загоскина. Вспомним, что Вальтер Скотт испытал падение с своей историей Наполеона^[10], написанной слишком рано. «Рославлев» был переведен на французский и немецкий языки. Кн. Шаховской сделал из него драму, которая не имела успеха.

В 1833 году Загоскин напечатал роман в 3-х частях, который назвал: «Аскольдова могила, повесть из времен Владимира I». Эта повесть проявляет тот же талант сочинителя, но по своему составу, по множеству мелодраматических эффектов, по недостатку местного и современного эпохе колорита (который и воссоздать очень трудно), по содержанию политическому и любовному, мало здесь возбуждающему сочувствия в читателе, имела гораздо менее успеха, чем «Рославлев». Особенно никого не удовлетворило окончание, развязка повести; происшествия слишком спутаны, натянуты, рассказаны торопливо, как-то сокращенно, и смерть героя и героини повести, которые во время бури бросаются в Днепр с высокого утеса, от преследования варяжской дружины, несогласна с духом христианской веры, которою они были озарены и глубоко проникнуты. Это просто самоубийство, а не мученическая кончина. Но в сценах народных,

принимая их в современном значении, в создании личности весельчака, сказочника, песельника и балагура, Торопки Голована, дарование Загоскина явилось не только с тою же силой, но даже с большим блеском, чем в прежних сочинениях. Торопка Голован, по моему мнению, в своем роде даже лучше знаменитого Кирши в «Юрии Милославском». Какая бездна неистощимой веселости, сметливости, находчивости и русского остроумия! Этот характер был загроможден, утоплен, так сказать, во множестве других лиц и происшествий романа; когда же он вырвался на сцену в опере, где он хотя не так полон, но зато сделался виднее – его высокое достоинство обозначилось ярко. Кроме того, в «Аскольдовой могиле» все сцены, в духе христианском написанные, – прекрасны и так искренни, что их нельзя читать без сердечного сочувствия. Много есть людей благочестивых, которые в этом отношении ценят «Повесть из времен Владимира I» выше всех других сочинений Загоскина. Она имела два издания. Другая блистательная судьба ожидала «Аскольдову могилу», когда Загоскин сделал из нее оперу того же имени, которая была дана в первый раз 1835 года сентября 16. Конечно, успех оперы зависит от музыки, а не от либретто, но здесь сочинитель либретто отчасти разделяет торжество с сочинителем музыки. Этим нисколько не уменьшается заслуженная слава А. Н. Верстовского: музыка его сделалась народною; кто не знает ее, не любит и не поет?

Двадцать лет опера «Аскольдова могила» играется на театрах обеих столиц и на театрах провинциальных – и зрители не могут наслушаться и насмотреться на нее. Огромные суммы принесла она дирекции театров, особенно в Москве, где она превосходно была поставлена, и где прелестный голос и до совершенства доведенная игра г-на Бантышева, в роли Торопки Голована, до сих пор восхищают зрителей. Всего более нравится в этой опере третий акт, прекрасно написанный Загоскиным в драматическом отношении. Он весьма счастливо воспользовался старинной воровской песней, в которой один из разбойников действует точно так же, как Торопка Голован, то есть, поет и словами песни рассказывает своим товарищам, что надо делать, и что они тут же исполняют. Большая часть московских жителей, много раз, может быть, десятки раз, видали «Аскольдову могилу», но магическая сила третьего акта не слабеет. Здесь безусловно торжествует народность слова и музыкальных звуков! Многие, в том числе я сам, прихаживали в театр не за тем, чтобы слушать оперу, которую знали почти наизусть, а с намерением *наблюдать публику в третьем акте* «Аскольдовой могилы»; но недолго выдерживалась роль наблюдателя: Торопка обморачивал их мало-

помалу своими шутками, сказками и песнями, а когда заливался соловьем в известном «уж как веет ветерок», да переходил потом в плясовую «чарочка по столику похаживает» – обаяние совершалось вполне; все ему подчинялось, и в зрителях отражалось отчасти то, что происходило на сцене, где и горбатый Садко, озлобленный насмешками Торопки, против воли пускался плясать вместе с другими.

В 1834 году произведен Загоскин в статские советники, а в 1837 году в действительные статские советники и утвержден директором императорских московских театров; в этом же году он напечатал «Повести Михайла Загоскина» в двух частях. В первой помещен «Вечер на Хопре», состоящий из вступления и семи рассказов, а во второй части – «Три жениха», в пяти главах и «Кузьма Рощин» в двух отделениях. Все семь вечерних рассказов на Хопре имеют *страшное* содержание, которое впрочем никого не испугает, а разве иногда рассмешит. Хотя все они написаны тем же прекрасным, свободным и живым языком, но область чудесного, фантастического, была недоступна таланту Загоскина: он – писатель действительности. Вторая часть повестей имеет гораздо большее достоинство. «Три жениха, провинциальные очерки» очень забавны, и драматическая форма, употребляемая в них иногда автором, придает много живости этим очеркам. Должно заметить, что Загоскину была не коротко знакома общественная жизнь губернских наших городов и вообще быт провинциальный: по четырнадцатому году его отправили в Петербург, и только после окончания войны 1812 года приезжал он, не более, как на год, в пензенскую отцовскую деревню; с тех пор он жил безвыездно сначала в Петербурге, а потом в Москве. Итак, все написанное им впоследствии, по прошествии многих лет, написано по воспоминанию, по рассказам других. Русская натура его с помощью таланта разгадала многое, и многое нарисовано очень верно, как в «Провинциальных очерках» так и в других пьесах; но некоторые типы и обычаи уже отжили свое время и могут назваться теперь анахронизмами. «Кузьма Рощин» рассказ живой и занимательный. Он переносит читателя в те давно прошедшие времена, о которых всякий из нас слышал что-нибудь в своем детстве. Несмотря на то, «Повести» Загоскина не имели большого успеха. Из «Кузьмы Рощина», в 1837 году, была сделана драма в 3-х актах не помню кем, не обратившая на себя внимания публики.

Содержание первого страшного рассказа, не совсем верно названного «Пан Твардовский», подало мысль Загоскину, гораздо прежде, написать оперу единственно для того, чтобы дать возможность известному нашему композитору Верстовскому

испытать свои музыкальные дарования в сочинении оперы. Опера явилась еще в 1828 году, была хорошо принята публикой и довольно долго оставалась на сцене; цыганская песня «Мы живем среди полей», весьма удачно написанная Загоскиным и положенная на музыку Верстовским, особенно нравилась и долго держалась, да и теперь еще держится в числе любимых песен московских цыган и русских песельников.

В 1838 году Загоскин напечатал роман или повесть (назовите, как угодно) в трех частях, под названием «Искуситель». Суд образованной публики и суд литературный признали «Искусителя» самым слабым сочинением Загоскина, с чем автор сам соглашался и что будет весьма справедливо, если, произнося такой приговор, иметь в виду только две последние части этого произведения; первая часть ярко от них отличается. Автор рассказывает в ней детство и юность своего героя Александра Михайловича (фамилия его не названа), проведенные в деревне Тужиловке, в одной из отдаленных наших губерний, – и рассказывает просто, живо, тепло и увлекательно. Под именем Тужиловки Загоскин описал село своего отца, Рамзай, в котором он родился и воспитался; некоторые черты в характере героя романа, даже черты лица срисованы автором с самого себя: без сомнения, это обстоятельство способствовало теплоте и верности описания. В конце первой части Александр Михайлович переезжает на службу в Москву и вступает в свет. Здесь уже нельзя узнать прежнего сочинителя: все светские лица, лица не русские, лишены жизни и действительности, и повесть делается скучною, неестественною, не возбуждающею интереса, хотя написана языком прекрасным и содержит в себе много прямых, здравых суждений и нравственных истин, выражающих горячую благонамеренность автора. Загоскин хотел представить, каким опасностям подвергается молодой человек, добрый, слабый и неопытный, вступая в испорченное светское общество; всю его порчу хотел он сосредоточить в одном лице, в каком-то загадочном бароне Брокене, придав этому искусителю, кроме ума и разных дарований, что-то фантастическое и дьявольское. Я уже говорил, что изображение людей, утративших русскую физиономию, а также изображение всего фантастического, было не в характере таланта Загоскина. «Искуситель» убедительно подтверждает мои слова: как только Александр Михайлович в конце третьей части, после всех заблуждений и самых затруднительных обстоятельств, из которых выпутывается неправдоподобным и непонятным образом, садится в коляску и возвращается домой, в деревню, в простой, русский быт – все переменяется, и рассказ автора получает живость, истинность и

занимательность.

В 1839 году было напечатано новое произведение Загоскина «Тоска по родине», повесть в двух частях; успех ее был посредственный, но все она была принята лучше «Искусителя» и выдержала два издания. Она разделяется на четыре большие главы: первая написана очень живо и весело; по несчастию во второй начинается или, правильнее сказать, усиливается любовь, появившаяся еще в конце первой главы. Все любовные сцены, во всех без исключения произведениях Загоскина, выходили неудачны: точно то же выходит и здесь. Третья глава и почти вся четвертая содержит в себе путешествие, или проезд через Англию и Францию, и почти двухлетнее пребывание в Испании героя романа, Владимира Сергеевича Завольского. Хотя Загоскин довольно живо и ловко описывает и Лондон, и Париж, и Гранаду, и Алгамбру, но как-то чувствуется, что он сам их не видал: почерпнутые из чужих путешествий описания выходят бледны и читаются без интереса; в них недостает той оригинальности собственного взгляда, который вносит каждый, сколько-нибудь даровитый путешественник в свои дорожные записки. Нельзя заочно вообразить себе именно того впечатления, которое произвела бы самая действительность; впечатление воображаемое не может быть искренне и непременно будет ошибочно. Развязка повести, происходящая на песчаном берегу моря в Испании, куда прибыл для этого русский фрегат; чудесное избавление, из-под ножей убийц, героя романа тем самым морским офицером, от которого Завольский бежал в Испанию, и который оказался родным братом, а не любовником героини романа – все это слишком самовольно устроено автором и не удовлетворяет читателя. Но зато личность и характер слуги Завольского, Никанора Федотова, во всей повести проведены искусно, нарисованы верно и выдержаны вполне. Федотов не походит ни на слугу Юрия Милославского, Алексея (который также очень хорош), ни на Торопку Голована; но представляет в особом роде тип русского слуги, написанный мастерски.

В том же году Загоскин сделал из своей повести «Тоска по родине» оперу того же имени, а Верстовский написал для нее музыку. Она была дана 21 августа 1839 года. Опера не имела успеха и очень скоро была снята с репертуара. Я не читал либретто и не видал пиесы на сцене, но слышал прежде некоторые нумера музыки и помню, что они нравились всем.

С 1837 по 1842 год Загоскин оставался директором московских театров; в продолжение этого времени он с горячим усердием занимался своей должностью. Несмотря на то, что он, с высочайшего соизволения, построил малый театр собственными

средствами дирекции (за что получил всемиловитейше пожалованную табакерку с шифром), денежные дела ее находились постоянно в хорошем положении. В 1840 году, 13 апреля, Загоскин награжден был за усердную службу орденом св. Владимира 3-й степени. В 1842 году, 3 февраля, вследствие собственного желания и прошения, по высочайшему указу, определен директором Московской Оружейной Палаты: в этой должности оставался он до своей кончины. В продолжение последней десятилетней своей службы, в 1845 году, Загоскин был пожалован кавалером ордена св. Станислава 1-й степени, а в 1851-м – кавалером ордена св. Анны 1-й степени.

В продолжение этого пятилетия (с 1837 по 1842 год) Загоскин написал комедию в стихах «Недовольные», которая была представлена на Московском театре без большого успеха, несмотря на многие комические сцены и на множество прекрасных и сильных стихов. Впрочем были люди очень довольные «Недовольными», и И. И. Дмитриев в письме к Загоскину очень хвалил комедию. Вообще в чтении она нравилась гораздо больше. Другая комедия в прозе «Урок матушкам», напротив, имела очень большой успех, и до сих пор остается на репертуаре: в самом деле, она очень весела и забавна. Загоскин составил или, лучше сказать, переложил ее слово в слово из одной своей повести «Три жениха», о чем я уже и говорил.

В 1842 году Загоскин написал роман в 4-х частях, под названием «Кузьма Петрович Мирошев, русская быль времен Екатерины II». Это сочинение не было оценено по достоинству: большинство публики прочло его с удовольствием, но без всякого увлечения. Несмотря на то, «Мирошев» имел два издания. Литературный суд не обратил на него особенного внимания, признавая, что Загоскин с обыкновенным своим дарованием, но с излишнею плодovitостью, описал ничем не замечательную жизнь пошлого, бесхарактерного человека. По моему мнению, такое суждение поверхностно и несправедливо. Я считаю «Мирошева» лучшим произведением Загоскина, не исключая даже «Юрия Милославского». В основе романа лежит серьезная и глубокая мысль, которую мы не хотели понять и оценить по человеческой гордости и тщеславию; а может быть, тогда еще рано было оценить ее. Кузьма Петрович Мирошев существо тихое, скромное, покорное, по преимуществу доброе и вполне верующее, с благодарностью принимающее от бога и радость, и печаль: человек божий, в том высоком нравственном значении, в каком употреблялись эти слова в старину, но которыми теперь уже определяют у нас совсем другого рода человека. По-видимому, смиренный и богобоязливый Кузьма Петрович лицо совсем не

поэтическое, и его-то бесцветную жизнь и невидную долю рассказал нам автор – от детства до старости.

Глупая и злая мачеха невзлюбила Мирошева за то, что его звали Кузьмой; она чуть не била его отца, промотала его хорошее состояние (2000 душ), и после смерти родителей сыну осталось в наследство 300 рублей; деньги пришли очень кстати, потому что в это время его выпустили в офицеры из кадетского корпуса. Круглый сирота и совершенный бедняк, Кузьма Петрович имел сокровище – дядьку, Прохора Кондратьича, любившего его с материнскою горячностью. В этом лице Загоскин изобразил собственного своего слугу и дядьку, который точно так же любил его и разделял с ним нужду и бедность в продолжение десятилетнего пребывания в Петербурге с 1802 по 1812 год. Мирошев служил с примерным усердием, дрался с неприятелем храбро; других награждали – ему не давали ничего; Мирошев не роптал, не обвинял никого. Один трусишка офицер по протекции вышел в чины и сделался его командиром – Мирошев повиновался без ропота; командир стал его гнать (как случайного свидетеля своей трусости), стал придирается к нему на каждом шагу, и Мирошев, увидя, что дело плохо, вышел в отставку поручиком и отправился в Москву вместе с своим Прохором Кондратьичем искать честного куска хлеба по гражданской службе. Дорогой попали они в маленькую деревеньку Хопровку, которая очень понравилась Мирошеву красивым местоположением, а дядьке – полными хлебными гумнами. Вдруг открывается, что Мирошев законный наследник этого имения, госпожа которого, его родная тетка, недавно умерла. Какое неожиданное благополучие! Но Мирошев узнает, что тут же живет воспитанница его тетки, бедная сирота, обер-офицерская дочь, и что покойница хотела, но не успела укрепить ей свои 50 душ – и Мирошев опять нищий: он отдает сироте свое родовое имение, исполняя волю умершей тетки. По счастью, девушка ему понравилась еще прежде, чем он узнал о своих правах на наследство. Мирошев женится на ней, и счастливый, благословляющий милость божию, живет спокойно 17 лет в своей красивой Хопровке. Но нужно испытание злату в горниле, и бог посылает Мирошеву испытание: единственная дочь, которую он и мать любят всею силою простых сердец своих, ничем другим неразвлеченных, полюбила сына соседа, богатого и знатного родом; сын, разумеется, сам ее любит; но отец слышать не хочет о женитьбе сына на мелкопоместной дворяночке. Дочь сделалась больна, почти умирает, мать приходит в отчаяние. В то же время встала другая беда: крепостной человек, управитель графского соседнего имения, озлобленный за отказ его сыну, круглому

дураку, которого он вздумал женить на дочери Мирошева, известный ябедник и делец, подает просьбу на бедного Кузьму Петровича и отнимает у него, без всякого права, почти всю землю, то есть совершенно его разоряет. Обидное сватовство «холопского» сына взбесило всю дворню Мирошевых, вывело из себя даже тихую и скромную супругу Кузьмы Петровича, – он один оставался кроток и тверд в своей кротости, он не позволил проводить сваху с бесчестьем. Борьба с именем знатного вельможи и богача была невозможна: Мирошев везде проигрывает, и дело переходит в Московский Сенат; но он терпеливо переносит свое горькое положение, грозящее ему совершенным разорением, сокрушается только о больной дочери, и то без малейшего ропота на волю божью. Дочери помогает проезжий лекарь, и Мирошев, собрав последние крохи, едет хлопотать по своему делу в Москву. Разумеется, приказные в Сенате его грабят, и он наверное бы проиграл свою тяжбу, если бы один из его прежних сослуживцев (такой же бедняк, как и он) не вздумал затащить его обманом на обед к тому самому графу, с которым он тягался. Этот вельможа держал открытый стол, то есть у него мог обедать всякий порядочно одетый человек, никому не объявляя своей фамилии. Мирошев после обеда узнал, у кого он в гостях, ужасно переконфузился от мысли, что ел хлеб и соль у хозяина, с которым вел тяжбу, и спешил уйти домой. По несчастью или, лучше сказать, по счастью, сосед его за обедом (мошенник, переодетый в офицерский мундир) украл ложку: подозрение падает на Мирошева! Его замешательство, когда при выходе спросили его фамилию и местожительство, превращает подозрение в уверенность. Графу доложили о покраже, и он приказывает отнести к Мирошеву, мнимому вору, еще 11 ложек: «пусть де будет у него полная дюжина». Здесь-то несчастный Кузьма Петрович, дороживший своим честным именем более всего на свете, доходит почти до отчаяния. Но истина скоро открывается; граф узнает все: просит у Мирошева прощения, чувствует у себя в доме, прекращает тяжбу, снабжает сотнею рублей на возвратный путь и берет честное слово с Кузьмы Петровича, что он, немедленно по приезде домой, пошлет за управителем и прочтет ему бумагу и письмо, запечатанное графскою печатью. Мирошев исполняет в точности поручение графа: воротясь домой, обняв жену и дочь, посылает за управителем, распечатывает при нем графский конверт и находит купчую крепость на все графское соседнее имение, состоящее из 437 душ, и в том числе на самого управителя, совершенную на законном основании в Московской гражданской палате на имя Мирошева. Граф счел за долг честного человека вознаградить за

все обиды и разорение, нанесенные, от его имени, несправедною тяжбою ни в чем не виноватому соседу. Надменный графский управитель, который не очень поспатривал и на губернатора, разумеется, повалился в ноги новому помещику. Ни одной минуты не остановясь на мысли владеть своим врагом, не обидев его ни одним грубым словом – «встань, Панкратий Лукич! Пусть простит тебя господь, как я тебя прощаю. Ступай сегодня же в город и пиши себе отпускную», – сказал Мирошев. Между тем, другое, еще более радостное известие ожидало нежного отца: гордый и знатный сосед, но человек с добрым сердцем, побежденный постоянством и покорностью своего сына, согласился на его женитьбу на дочери Мирошева... Полное благополучие, заслуженная награда честности и христианского смирения, поселяется под кровом Мирошевых. Еще 15 лет жил, служил и любовался счастьем своих господ усердный слуга, Прохор Кондратьич. Умирая, он отдал Кузьме Петровичу ларчик: в нем лежала сверху икона преподобного Космы, епископа Халкидонского, мешочек с десятью целковыми и мелким серебром, две изломанные игрушки, тетрадка с детскими прописями и бережно завернутая в бумагу пара истертых сафьяновых башмачков, которые Кузьма Петрович носил в своем ребячестве...

Я счел за нужное рассказать содержание романа, может быть неизвестного многим моим читателям нового поколения. Все просто, все обыкновенно в «Мирошеве»; даже трудно объяснить, что именно производит то глубокое и благотворное впечатление, которое оставляет в душе читателя чтение этой повести. Кузьма Петрович Мирошев лицо невидное, бесцветное и бесстрастное; тот, кто взял его в герои своего романа, должен был носить в душе любовь и уважение к внутренней духовной высоте такого лица. Загоскин совершил многотрудный подвиг: он вывел так называемого добродетельного, в настоящем же случае, просто доброго человека, камень преткновения и для великих талантов – и добрый человек не скучен, а напротив возбуждает полное сочувствие. Мирошев, снисходительный и уступчивый во всем, что касается до его личности, до его самолюбия, до всего того, что свет называет благородством, – тверд и постоянен в сопротивлении всему, нарушающему его совесть, в которой заключается святость его верований и нравственность убеждений. Я хотел было выписать что-нибудь поболее из слов Мирошева, для определения его характера и для подтверждения моего мнения, но нечего выписать, не на чем остановиться: нет ни одного особенно замечательного слова, ни одного выдающегося движения; но таков и должен быть Мирошев. Он ничего не сделал

необыкновенного; но читатель убежден, что если потребует долг, Кузьма Петрович поступит с полным самоотвержением, и что нет такого геройского подвига, которого бы он не совершил не задумавшись; одним словом: это русский человек – христианин, который делает великие дела, не удивляясь себе, а думая, что так следует поступать, что так поступит всякий, что иначе и поступить нельзя... и только русский человек – христианин, каким был Загоскин, мог написать такой роман. Загоскин сделал это без малейшего усилия; для всякого же другого это был бы подвиг слишком трудный, едва ли возможный. Загоскину не нужно было творчества; он черпал из себя, из своей собственной духовной природы, и подобно Мирошеву не знал, что он сделал и даже не оценил после: он признавался мне, что этот его роман немножко скучноват, что он писал его так, чтобы потешить себя описанием жизни самого простого человека; но я думаю, что нигде не проявлялся с такой силою талант его, как в этом простом описании жизни простого человека. На все есть время, а для настоящей эпохи оно летит с неимоверной быстротой. В десять лет много утекло воды, и может быть теперь «Мирошев» будет оценен гораздо выше: прямее, искреннее смотрим мы на нравственную высоту души и лучше начинаем понимать русского человека. Я знаю, что молодое поколение русских читателей мало читало сочинений Загоскина, разве прочло одного «Юрия Милославского». Знаю, что оно выросло под влиянием неблагосклонных отзывов журнальных рецензентов, и потому я прошу каждого из них, кому дорог свой собственный взгляд и суд, прочесть «Мирошева», хотя для того, чтоб иметь полное право не согласиться со мною.

В 1842 же году Загоскин выдал «Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Вельского. Выход I». Эта книжка содержала в себе десять небольших статей. Две из них, III и VIII, то есть первая сцена из московской домашней и общественной жизни «Выбор жениха», вошли потом в состав последней комедии Загоскина, о которой я буду говорить в своем месте. В мелких статьях автор везде сохраняет свои обыкновенные достоинства: легкость и свободу языка, веселость и оригинальность взгляда. Очень часто можно не соглашаться с взглядом сочинителя, но всегда прочтешь с удовольствием все, им написанное. «Москва и москвичи, выход первый», включает в себе любопытные известия о многих московских зданиях и окрестностях. Вероятно, по этой причине «первый выход» переведен на французский язык и немедленно был вторично издан на русском.

В 1844 году напечатал Загоскин второй выход «Москвы и москвичей». В нем находилось 11 мелких статей, более или менее

относящихся к Москве, к образу жизни и нравам ее обитателей. Второй выход имел все достоинства первого; доставлял такое же приятное чтение, был также хорошо принят читающей публикой и также в непродолжительном времени был напечатан вторым изданием. Оба выхода «Москвы и москвичей» имели особенный интерес для московских читателей. В некоторых лицах многие узнали своих знакомых, а потому и во всех остальных искали с кем-нибудь сходства. В ласковом камергере, который часто встречался и беседовал с Богданом Ильичом Вельским, все узнавали самого сочинителя.

Между тем Загоскину захотелось возвратиться к историческим романам. Он снова занялся чтением, изучением и выписками из старинных рукописей и документов, и в 1846 году напечатал «Брынский лес. Эпизод из первых годов царствования Петра Великого», в двух томах. Публика обрадовалась ему. Этот роман напомнил читателям «Юрия Милославского»; он написан с тою же силою таланта, утратившего может быть только первую свежесть и новост; но, конечно, роман не произвел и не мог произвести такого же впечатления уже по одной разности эпох: в «Юрии Милославском», в 1612 году, дело шло о спасении русской земли; оно составляло главное содержание, а все прочее было придаточной обстановкой; а в «Брынском лесу» положение государства, конечно, весьма интересное и важное по своим последствиям, составляет небольшую придаточную часть и служит, так сказать, введением в интригу романа, по несчастью – любовную. Любовь всегда была самою слабою стороною в романах Загоскина. Здесь она приторнее и несовременнее, чем во всех прежних. Я не знаю, каким образом любили в старину, но всякий скажет, вместе со мною, что не так любили, не так думали и говорили, как герои романа в «Брынском лесу». Несмотря на то, самый ход рассказа очень интересен; автор весьма искусно, естественно вмешал в него тогдашних раскольников: они описаны живо и забавно; но взгляд на раскол, верный только с одной смешной стороны, слишком односторонен; в сущности раскола лежало гораздо более важного значения. Очень удачно нарисован боярин Куродавлев, осердившийся на царя за мнимое оскорбление своего родового старшинства и живущий по-боярски в своей отдаленной отчине; его помещичьи отношения к своим крестьянам, холопьям и бесчисленной дворне также описаны прекрасно, живо и даже верно, сказал бы я, если их придвинуть поближе к нам, то есть, если бы события романа происходили не в 1682, а хотя в 1742 году, двумя поколениями позднее. Едва ли можно предположить, чтобы отношения помещика к крестьянам допетровского периода были таковы, какими изобразил их автор.

Впрочем, все достоинства и особенности таланта Загоскина: русская удаль, речь, шутка, жизнь – блещут яркими красками в этом романе, и он читается весело, с участием в ходе запутанных происшествий и в трудном положении действующих лиц. «Брынский лес» имел уже два издания и скоро будет издан в третий раз.

В 1848 году Загоскин напечатал свой последний исторический роман в двух частях. «Русские в начале восемнадцатого столетия. Рассказ из времен единодержавия Петра I». Не нужно распространяться о том, какое обширное и богатое поле, исполненное самых важных исторических интересов, с каждым днем получающих для нас большую значительность, представлялось таланту романиста. Самое название романа обязывало автора к изображению общественного положения, в котором, как в зеркале, отражался бы переворот государственный. Разбирая этот роман, прежде всего надобно сказать, что дело идет не о том, до какой степени справедливо воззрение автора на это великое событие. Я совершенно устранию этот вопрос, и по моему мнению, никто не вправе требовать от романиста, чтоб он так или иначе понимал исторические события. Взгляд Загоскина довольно объясняется во вступлении к роману. Итак, я постараюсь только определить: удовлетворительно ли он исполнил свою задачу, смотря на предмет с собственной, известной точки зрения автора? Вот в коротких словах содержание рассказа: на сцене являются два молодых гвардейских офицера, Симский и Мамонов, книжная речь которых, пересыпанная дикими иностранными словами, приводит в изумление и досаду стариков того времени; оба молодые человека весьма охотно принимают новый порядок вещей и уже скучают старинными обычаями: это представители нового поколения. В противоположность им выведено три старика: Л. Н. Рокотов, пристрастный друг старины, ожесточенный враг новизны; М. П. Прокудин, также осуждающий нововведения и хранящий старые обычаи, но без ожесточения; читатель чувствует, что этот добрый старик, способный оценить хорошее в противной ему новизне, способен сделать уступки и сделает их со временем; наконец, третий, Д. Н. Загоскин, дядя Симского, уже добровольно уступивший новым мыслям и новому порядку вещей, обривший бороду и надевший немецкое платье, несмотря на вопли его окружающих и на сокрушение своей жены, которая, сказать правду, рассуждает в этом случае гораздо дельнее и логичнее своего супруга. Из женского пола выведена одна барыня средних лет, А. П. Ханькова, которая также уже поддалась влиянию новых нравов; с нею живет временно родная

племянница, О. Д. Запольская, воспитанная вместо дочери родным братом Ханыковой, Прокудиным. Эта девушка, героиня романа, сохраняя во всей чистоте старинные семейные понятия и нравы, без отвращения однако ездит со своею теткою на немецкие танцевальные ассамблеи, где и познакомилась с молодым Симским; разумеется, они полюбили друг друга. Надобно отдать справедливость Загоскину, что эта любовь уже гораздо сноснее всех прежних описаний любви в его романах. Завязка состоит в том, что Прокудин сначала не соглашается отдать свою племянницу за Симского, который в большом горе отправляется с своим полком на войну с турками. Из лагеря на Пруте, в самую отчаянную минуту, Петр I отправляет его с известным указом в Сенат,^[11] поручение очень опасно, но Симский счастливо избегается от неминуемой смерти и доставляет указ Сенату. Благородным поступком с своим соперником, которого считал женатым на Ольге Дмитриевне Запольской, но которому уже давно отказал Прокудин, как подлому трусу, Симский смягчает предубеждение старика, нравится ему уважением к старине и получает руку своей любезной. Есть еще несколько лиц эпизодических, о которых не говорю. Судя по расходу книги и по отзывам тогдашней читающей публики, роман не имел большого успеха. Все ожидали чего-то другого: интригу находили слишком простою, не возбуждающею любопытства, а благополучную развязку – не имеющею достаточных причин. Может быть, это отчасти справедливо. Но задача романа состояла не в том. В рецензиях журнальных не было сказано ничего определенного: слышалась только мысль, что автор не глубоко, а поверхностно черпал из любопытного времени своего романа. Я не разделяю этого мнения. Я думаю, что едва ли Загоскин мог черпать глубже, не преступив пределов романа и не коснувшись живых государственных вопросов. По моему мнению, сочинитель, верный собственному воззрению, обработал данный предмет со всею силою и жизнью своего таланта, и разнохарактерная картина общества с его замечательными оттенками написана верно. Из всех разнородных представителей общественного мнения, автор никому не дает явного превосходства. Хотя мы знаем, с кем более согласен сочинитель, но противники предка его, Загоскина, и тогдашнего молодого поколения, особенно непреклонный Рокотов, говорят очень убедительно и дельно; сопротивление их новым идеям так естественно, так много в нем здравого русского толка, что действующие лица являются живыми людьми, а не отвлеченными призраками или воплощенными мыслями, выведенными для торжества известного принципа. Некоторые находили, что мало показан Петр I; но я не

могу и с этим согласиться: более показать Петра I было невозможно и не должно; его огромная личность закрыла бы весь роман и, заставив побледнеть или уничтожив все другие интересы – все бы не удовлетворила читателя. В такую ли тесную рамку уместиться великану? – Придаточные лица в романе, каждое в своем роде, очень естественны, живы и веселы, кроме, может быть, немножко идеальной молдаванки, куконы Хереско. Небольшая сцена немецких генералов и французского бригадира, известного Моро де Бразе, в лагерной палатке на Пруте, при всей своей краткости и сжатости, передает очень живо всех этих господ. Русская речь также хороша, проста и сильна: одним словом – я считаю последнее произведение Загоскина не уступающим в достоинстве лучшим его прежним сочинениям, даже нахожу в нем большую зрелость мысли и силу языка. Последние два романа мало уступают «Юрию Милославскому» и, по-моему, даже превосходят его. Если б они вышли первые – успех был бы огромный. Но двадцать лет прошло – требования публики изменились.

В том же 1848 году Загоскин выдал третий выход «Москвы и москвичей». Он состоял из двенадцати небольших статей, относящихся до Москвы, ее обычаев, жителей и заведений; одна из них, самая большая по объему и очень забавная по содержанию, а именно: статья IV, называемая «Поездка за границу», написанная в разговорах – послужила основанием комедии того же имени. Книжка не имела однако ж такого успеха, как два первые выхода. Менее всех показалась удовлетворительно 1-я статья: «Несколько слов о наших провинциях». Автор, не выезжая из Москвы 30 лет, написал ее по слухам, а не по собственному личному убеждению, следствием чего было во-первых то, что он неосновательно обвинял современных писателей в пристрастии и умышленном оскорблении провинциальных жителей, будто бы терпящих напраслины, и во-вторых, то, что все, написанное в защиту провинциального быта, вышло бледно, неверно, высказано без убеждения и наполнено общими местами; к тому же и содержание некоторых мелких статей – слишком мелко. Я уже говорил об этом, но счел за нужное повторить мои слова по поводу выше названной статьи. Справедливость требует сказать, что последняя статья: «Два слова о нашей современной одежде», при всей своей краткости и недостаточном развитии, имеет положительное достоинство и замечательна по своей мысли.

В 1850 году Загоскин напечатал комедию в 4-х действиях, в прозе: «Поездка за границу». Она была представлена на театре 19 января. Публика приняла ее на сцене очень хорошо, хотя причина

благоприятной развязки, останавливающая только *на-время* поездку за границу, несколько натянута: собственно тут нет поездки, а только сборы за границу, но зато эти сборы так забавны, что зрители смотрели комедию всегда с удовольствием. Надобно прибавить, что она была разыграна очень удачно.

В том же году вышла 4-я книжка или выход «Москвы и москвичей», заключающая в себе 10 статей и небольшое предисловие, или вступление, под названием: «К читателям». Загоскину показалось, что рамки, назначенные им для своих рассказов, слишком узки; он решился раздвинуть их, то есть, решился говорить не об одной Москве и ее обычаях, о чем и предупредил своих читателей. Он назвал свои анекдотические рассказы, содержание которых не касалось Москвы, «Осенними вечерами», которые однако не представили большой занимательности; статьи же, собственно относящиеся к Москве, были напротив очень интересны, и, вероятно благодаря им, читающая публика приняла четвертый выход «Москвы и москвичей» гораздо лучше третьего.

Еще в 1841 году, во втором томе известного великолепного альманаха, «Сто русских литераторов», изданного Смирдиным, был напечатан довольно большой рассказ Загоскина под названием «Официальный обед». Из этого забавного, но несколько растянутого рассказа, в 1850 же году, автор сделал комедию в прозе, кажется, в трех действиях: «Заштатный город». Вероятно на сцене она была бы очень весела и смешна; но пьеса эта, по независевшим от автора причинам, не была играна на театре и не была напечатана.

В 1851 году напечатана в Петербурге, сначала а журнале «Библиотека для чтения», а потом отдельно, последняя комедия Загоскина в четырех действиях, в стихах: «Женатый жених». Двое ее акта составлены из двух сцен «Московской домашней и общественной жизни», напечатанных в первом выходе «Москва и москвичи». Эта комедия в том же году разыграна на московском театре, и весьма неудачно. Пьеса до такой степени была дурно или мало срепетирована, что некоторые актеры плохо знали роли. Причиной тому было особенное обстоятельство. Загоскин, отличавшийся всегда завидным здоровьем, с некоторого времени начал прихварывать и совсем не позаботился о репетициях. Пьеса не имела успеха, то есть, ее перестали давать; но при первом представлении зрители много смеялись, и автор был вызван единодушно, как и всегда, признательною московскою публикою. Впрочем, кроме плохого исполнения, сама комедия была неудачно составлена; не говорю уже о том, что два лучшие акта, в драматической же форме, но только написанные прозою, были

давно известны публике. Эта пьеса – новое доказательство, что прекрасные, легкие и сильные стихи, оправленные часто в диковинные, мастерски прилаженные рифмы, и что даже забавные сцены (если взять их отдельно) не могут дать успеха комедии на театре, если в ней нет внутренней связи и единства интереса. Как бы то ни было, в первый раз случилось, что Загоскин был огорчен неудачей на сцене своего театрального произведения; он приписывал эту неудачу невниманию дирекции и актеров, что было справедливо только отчасти. Комедия «Женатый жених» – последнее произведение Загоскина, явившееся на сцене и в печати.

Загоскин начинал расхварываться: он чувствовал постоянный лом, по временам сильно ожесточавшийся в ногах и даже в груди, с каким-то наружным раздражением кожи; впрочем, сначала он терпел более беспокойства, чем боли. Доктора находили, что это артрическая острота (рассыпная подагра), перешедшая впоследствии в подагру атоническую – нервную. Загоскин не любил лечиться; первую зиму он перемогался, продолжал ежедневно выезжать, надеялся, что лето и верховая езда за городом, которую он очень любил, лучше докторов восстановят его здоровье. В первый год точно так и было: он видимо поправился летом, но к осени болезнь возвратилась с удвоенною силою. Загоскин принужден был приняться за лекарство; но лечился так неправильно, своенравно, так часто переменил методу лечения и самые средства, употребляя их нередко в страшном излишестве, следуя советам не врачей, что без сомнения лечение ему повредило и придало болезни силу и важность. Страдания физические отняли у него возможность писать, а человеку, привыкшему в течение целой жизни к ежедневной умственной работе, такое лишение невыносимо. Загоскин принялся читать и перечитал все, что за недосугом было только просмотрено им или пропущено совсем. Сначала он выезжал по вечерам почти ежедневно, но ездил уже не в светское общество, а к самым коротким друзьям, где нередко увлекался своим живым характером, забывая на мгновение мучительные боли, горячился в спорах о каких-нибудь современных интересах, а иногда в спорах о картах за пятикопеечным ералашем: громкий голос его звучно раздавался по-прежнему, по-прежнему все были живы и веселы вокруг него, и взглянув в такие минуты на Загоскина, нельзя было подумать, что он постоянно страдал недугом, тяжким и смертельным. Наконец болезнь так усилилась, что он не мог выезжать по вечерам: обстоятельство очень тяжелое для Загоскина, потому что при огне он не мог читать; его вывозили только прогуливаться, и он, не вылезая из экипажа,

делал визиты своим приятелям и знакомым. Кроме собственного его семейства, родной брат, М. Н. З., с женою, жившие тогда в Москве, были ежедневными его собеседниками. Друзья также навещали его, составляли приятельский вист или ералаш, и больной не давал задуматься своим посетителям, а напротив нередко заставлял их смеяться. Между тем беспорядочное, часто изменяемое, лечение героическими средствами продолжалось; приключилась посторонняя болезнь, которая при других обстоятельствах не должна была иметь никаких печальных последствий; некогда могучий организм и пищеварительные силы ослабели, истощились, и 23 июня 1852 года, в пятом часу пополудни, после двухчасового спокойного сна, взяв из рук меньшего сына стакан с водою и выпив немного, Загоскин внимательно посмотрел вокруг себя... вдруг лицо его совершенно изменилось, покрылось бледностью и в то же время просияло какою-то веселостью. Он вздохнул и – его не стало. Больной заснул тихим, спокойным, вечным сном. За четыре дня он приобщился святых тайн. Тело его предано земле в Новодевичьем монастыре.^[12]

Считаю излишним говорить о глубокой горести его семейства и особенно, больной с давних лет, его супруги.

Загоскин написал и напечатал 29 томов романов, повестей и рассказов, 17 комедий и 1 водевиль. В бумагах его найдено немного: прекрасный рассказ «Канцелярист» и несколько мелких статей, которые вместе с ненапечатанной комедией «Заштатный город» составят, как я слышал, пятый и последний выход «Москвы и москвичей».^[13]

Говоря об «Юрии Милославском» и о «Мирошеве», я достаточно высказал мое мнение о таланте Загоскина. Не излишним считаю повторить в нескольких словах сказанное мною: талант Загоскина – самобытный, оригинальный, исключительно русский; в этом отношении он не имеет соперника, и потому я считаю его единственным исключительно русским народным писателем; основные качества его таланта – драматичность, теплота и простодушная веселость, дар драгоценный, редко встречаемый в самых знаменитых писателях. Это не то, что мы называем комизмом или юмором: Загоскин не возбуждает того высокого смеха, вслед за которым выступают слезы. Читая Загоскина, становится только весело на душе, и со дна ее незаметно поднимается чувство народности... Достоинство высокое! К этому должно прибавить, что все, написанное Загоскиным, проникнуто чувством нравственным, религиозным и пламенной любовью к родной земле; его же искренняя, горячая преданность к государю известна всем. Загоскин проводил

русское направление, как он понимал его, везде, во всяком сочинении, и восставал, сколько мог, против подражания иностранному.

Загоскин был членом русского отделения императорской Академии наук, и также членом, а потом и председателем Общества любителей русской словесности при Московском университете. Сверх того он имел *авторские кресла* в театрах обеих столиц – награда, которой, кроме его, не был почтен ни один русский драматический писатель.

Определив, по крайнему моему разумению, согласно моим личным убеждениям, Загоскина, как писателя, я должен теперь сказать о нем, как о человеке. Говорить о служебной деятельности Загоскина не мое дело. Без сомнения, он, как человек честный, дорожил добросовестным исполнением своих должностей. Его формулярный список свидетельствует, что, кроме наград чинами, орденами и знаком отличия за 40-летнюю беспорочную службу, Загоскин получил восемь высочайших благоволений, из коих шестью удостоен, служа при театре, «за хозяйственные распоряжения и соблюдения значительной экономии».

Основными качествами характера Загоскина были: честность, веселость, неограниченное добродушие и доверчивость; последними двумя качествами, – которые людская испорченность называет детскими, следственно не уважает, и даже смеется над ними, – разумеется, пользовались люди, имевшие к тому охоту и надобность; им особенно помогала вспыльчивость Загоскина, проходившая мгновенно и безвредно. Стоило только его рассердить, что было весьма не трудно – в горячности вылетало у него какое-нибудь резкое или грубое слово, мнимо обиженный прикидывался огорченным, жалким – и добрейший Загоскин готов был сделать все, чтоб загладить вину свою. Делая много добра, он никогда не помнил о том; ему приятно было, если помнили другие, и приятно только потому, что он радовался душою, находя в людях добрые качества. Загоскин никогда не жаловался и даже не любил, чтоб говорили и другие о каком-нибудь человеке, неблагодарном ему за добро. Я сам, выведенный из терпения одним таким господином, историю которого знал коротко, выразился о нем очень жестко, будучи наедине с Загоскиным... Загоскин огорчился и взял с меня честное слово не говорить никогда не только ему, но и никому о неблагодарности лица, о котором у нас шла речь. Признаюсь, я был поражен такой христианскою добротою. Загоскин во всю свою жизнь не сделал с намерением никому вреда. Это несомненная истина. В пылу горячего спора, ему случалось сказать о человеке, даже при лишнем свидетелях, что-нибудь могущее повредить ему; но когда

горячность проходила, и Загоскину объясняли, какие вредные последствия могли иметь его слова, которых он не помнил, – боже мой, в какое раскаяние приходил он... он отыскивал по всему городу заочно оскорбленного им человека, бросался к нему на шею, хотя бы то было посреди улицы, и просил прощенья; этого мало: отыскивал людей, при которых он сказал обидные слова, признавал свою ошибку, и превозносил похвалами обиженного... Может быть, иным покажется это смешно, но высока эта смешная сторона. Будучи вспыльчив от природы, Загоскин совсем не имел того раздражительного авторского самолюбия, которым обыкновенно страдают писатели. Не только его друзья и приятели, но всякий мог сделать лично ему какие угодно жесткие замечания, и он принимал их всегда добродушно и спокойно, и готов был сознаться в ошибке, если чувствовал справедливость замечаний. Он не выносил только одного: если, нападая на Загоскина, задевали Россию или русского человека – тогда неминуемо следовала горячая вспышка. Загоскин был рассеян, и его рассеянность подавала повод ко многим смешным анекдотам: он часто клал чужие вещи в карман и даже запирали их в свою шкатулку; сел один раз в чужую карету, к даме, не коротко знакомой, и приказал кучеру ехать домой, тогда как муж стоял на крыльце и с удивлением смотрел на похищение своей жены. В другой раз он велел отвезти себя не в тот дом, куда хотел ехать и где ожидало его целое общество; он задумался, вошел в гостиную, в которой бывал очень редко, и объявил хозяйке, с которой был не коротко, но давно знаком, что приехал прочесть ей по обещанию отрывок из своего романа; хозяйка удивилась и очень обрадовалась, а Загоскин, приметивши наконец ошибку, посовестился признаться в ней и прочел назначенный отрывок к общему довольствию и хозяев и гостей. Рассеянность не оставляла иногда Загоскина даже в делах служебных: он подал один раз министру вместо рапорта о благосостоянии театра счет своего портного: министр усмехнулся и сказал: «Ох, эти господа авторы». – Загоскин был не только рассеян, но и чрезвычайно беспамятен, отчего так конфузился на сцене, что почти не мог участвовать в благородных спектаклях, хотя иногда очень желал разделять со всеми эту забаву, бывшую в большом ходу в Москве в 1820 годах. Особенно был смешон один случай, который я расскажу, как характерную черту физиономии Загоскина. В день рождения кн. Д. В. Голицына, которого, как человека, любили все без исключения, был сделан ему сюрприз; Загоскин сочинил интермедию с куплетами под названием «Репетиция на станции». Прозу писал он, стихи – А. И. Писарев, а музыку – Верстовский. Это была веселая и забавная безделка; куплеты же Писарева –

прелесть: таких куплетов уже не пишут с тех пор, как он умер. В интермедии Загоскин играл Загоскина, Писарев – Писарева, Верстовский – Верстовского, нарядившегося старым хористом. Кроме них участвовали в пьесе А. А. Башилов, Данзас и другие. Кто мог петь, тот пел куплеты, кто не мог – говорил их под музыку; Загоскин не пел и должен был последний, как сочинитель пьесы, проговорить без музыки свой самим им написанный куплет; опасаясь, что забудет стихи, он переписал их четкими буквами и положил в карман; опасение оправдалось: он забыл куплет и сконфузился; но достал из кармана листок, подошел к лампе, пробовал читать в очках и без очков, переворачивал бумагу, сконфузился еще больше, что-то пробормотал, поклонился и ушел.^[14]

Занавес опустился. Когда актеры вышли в залу к зрителям, все окружили Загоскина и спрашивали: «что с ним случилось?» Он отвечал, что стихи позабыл, а в карман ошибкой положил вместо куплета листок белой бумаги... – Когда я спросил его о том же в свою очередь, Загоскин шепнул мне на ухо: «так сконфузился, мой друг, что не мог разобрать своей руки: уж это я выдумал, что будто положил в карман белую бумагу; только молчи, никому не рассказывай». Я и промолчал на тот вечер или на ту ночь, потому что ужин и бал продолжались до утра. На другой день я рассказал секрет всем приятелям, да и Загоскин с своей стороны сделал то же: разумеется, все посмеялись вдоволь.

Загоскин был постоянно весел в обществе и семейном кругу. Эта веселость происходила от невозмутимой ясности простой его души, безупречной совести и неистощимого благодушия; она невольно сообщалась другим и одушевляла всех: понятно, как он был любим в обществе, в кругу родных и в семье. Веселость не оставляла Загоскина даже в мучительной болезни; рассказывая о своих страданиях, он нередко употреблял такие оригинальные выражения, что заставлял смеяться окружающих и самого врача. Шуточное неконченное послание в стихах к А. Е. Аверкиеву, которое будет напечатано в последней книжке «Москвы и москвичей»,^[15] показывает, до какой степени сохранились в Загоскине веселость и спокойствие духа почти до самой кончины. Будучи сам неспособен не только к чувству зла, но даже к минутному недоброжелательству, он никогда не предполагал этих свойств в других людях. Лицемерия он не понимал совсем. Множество ошибок и поучительных уроков не излечили его от доверчивости, и ему всегда казалось, что он окружен прекрасными людьми.

Загоскин не получил в своей юности систематического, научного образования: он учился сам и образовал себя

впоследствии необыкновенно обширным чтением книг. Имея ум простой, здравый и практический, он не любил ни в чем отвлеченности и был всегда врагом всякой мечтательности и темных, метафизических, трудных для понимания, мыслей и выражений. В прежнее время, когда это направление было в ходу, он врезывался иногда, с русским толком и метким русским словом, в круг людей, носившихся в туманах немецкой философии и не только все окружающие, но и сами умствователи, внезапно упав с холодных и страшных высот изолированной мысли, предавались веселому смеху.

Из всего сказанного о Загоскине не трудно заключить, что он был бесцеремонен, прост в обращении: многим казалось, что эта простота доходила до излишества. Бывая иногда, по своему положению в свете и по своей литературной славе, в кругу людей так называемого высшего общества, Загоскин не мог не грешить против его законов и принятых форм, потому что был одинаков во всех слоях общества; его одушевленная и громкая речь, неучитывая точность выражений, простота языка и приемов часто противоречили невозмутимому спокойствию холодного этикета. Его русская натура постоянно сквозила из-под камергерского мундира и на аристократическом бале, и во дворце. Некоторые пожимали плечами, улыбались значительно и удалялись от него, а некоторые именно за то очень любили и уважали Загоскина.

В заключение должно сказать, что ко всем прекрасным свойствам своего счастливого нрава, к младенческому незлобию души и неограниченной доброте, Загоскин присоединял высшее благо – теплую веру христианина... Да будет мир его душе...

Декабрь, 1852 года.

Деревня.

notes

Примечания

При составлении этой статьи я основывался, особенно до 1815 года, на записке, сообщенной мне братом покойного, Маркелом Николаевичем Загоскиным. С 1826 г., живя постоянно в Москве и находясь в самых близких отношениях с автором «Юрия Милославского», я уже рассказываю то, что видел и слышал сам; разные документы и письма были доставлены мне сыном Загоскина, С. М. Загоскиным.

Богатонов – персонаж комедии М. Н. Загоскина «Господин Богатонов, или Провинциал в столице» (СПб. 1817).

Не имея в руках книжек этого журнала, ничего не могу сказать о достоинстве статей Загоскина. – В журнале «Северный наблюдатель» (1817) Загоскин довольно часто печатал театральные обозрения, нравоописательные очерки, драматические сцены, подписанные различными псевдонимами: «Ювенал Беневольский», «Обитатель Лиговского канала», «М. З. Житель Лиговского канала» и т. д. Однажды Загоскин под псевдонимом Ювенала Беиевольского напечатал рецензию на первое представление своей собственной пьесы «Богатонов, или Провинциал в столице» («Северный наблюдатель», 1817, ч. I, № 1, стр. 22–28).

«Второй Богатонов, или Столичный житель в провинции» – эта комедия Загоскина называлась, так: «Богатонов в деревне, или Сюрприз самому себе».

Я считаю «Мирошева» лучшим произведением Загоскина... – Белинский, как и некоторые другие современники Загоскину критики, оценивал этот роман гораздо более критически. Белинский относил «Мирошева» к тому типу явлений в русской литературе, о которых скоро «уже не будут ни говорить, ни писать, как уже не говорят и не пишут больше о Выжигиных, – и цель нашей статьи – ускорить по возможности это вожделенное время, которое будет свидетельством, что наша литература и общественный вкус сделали еще шаг вперед...» (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. VI, М. 1955. стр. 52).

Это послание, кажется, было напечатано в Петербурге, в журнале «Общества соревнователей просвещения». – Журнал «Вольного общества любителей российской словесности» назывался «Соревнователь просвещения и благотворения». Стихотворение «Послание к Н. И. Гнедичу» было напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения» (1821, ч. XIV, № 6, стр. 302–307).

Оба эти пиесы... в журнале которого они и напечатаны. – Стихотворение Загоскина «Авторская клятва» напечатано в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» (1821, ч. XV, № 7, стр. 98-105); стихотворение «Выбор жены» (у Аксакова неточно: «Выбор невесты») – в том же журнале (1821, ч. XV, № 8, стр. 227–235).

Известный псевдоним Алексея Алексеевича Перовского.

В 1830 году я написал самый строгий разбор «Юрия Милославского» и напечатал его в «Московском Вестнике». Я помещаю мою тогдашнюю критику в. Приложениях, предполагая, что для некоторых читателей будет интересно сличить мнения одного и того же человека, об одной и той же книге, написанные через 22 года, одно после другого.

Вальтер Скотт испытал падение с своей историей Наполеона... – Речь идет о книге Вальтера Скотта «Life of Napoleon Bonaparte» (1827). В русском переводе она вышла в 1831–1832 гг. в Петербурге под названием «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов».

...с известным указом в Сенат. – Речь идет о том, что Петр I якобы повелел не считать его царем, если он попадет в плен к туркам. Указ этот, как теперь дознано, никогда не существовал.

С. И. Клименков, почтенный и всем известный в Москве врач, который 15 лет был медиком, и другом покойного Загоскина и всего его семейства, но которого, по несчастию, он не слушался в последние два года, призванный только за три дня до кончины Загоскина, полагает, что она произошла вследствие истощения сил больного, сначала гидрпатией, потом средствами горячительными и раздражающими, наконец четырехмесячным употреблением Цитманова декокта; что наследственная подагра, гнездившаяся в нем издавна, несмотря на трезвую и правильную жизнь, при существовавшей тогда эпидемии в Москве кровавых дизентерий, бросилась на пищеварительные органы и произвела воспаление и антонов огонь.

К сожалению, это ожидание доселе не исполнилось.

Первое представление этой интермедии происходило в подмосковной кн. Д. В. Голицына, где посетителей было не так много: тогда кое-как Загоскин прочел свой куплет, и то принужден был взять его у суфлера и разбирать со свечкой; хозяин и небольшой круг гостей смеялись: рассказанный же мною анекдот случился при повторении интермедии в Москве, при многочисленной публике, в доме Ф. Ф. Кокошкина.

Не знаю почему, книжка эта до сих пор не напечатана.